

Предисловие

9-е Мая 1945 года – «...этот День Победы...» прославили в песнях. Газетные листы 1985 года сохранились в моём домашнем архиве, они пригодились как отклик на призыв президента РФ. Это, как «27-мь Панфиловцев», о которых знают, но ... «все воевали, у всех погибали... мы вас туда не посылали». Помню слова шофёрской песни: – «... А помирать нам рановато, есть у нас ещё дома дела...», так пели солдаты в надежде вернуться в свой Дом Родной, к семье... к невесте.

Книга эта посвящается:

- Шаповалову Владиславу Мефодьевичу, Писателю, прошедшему Войну, Учителю, Почётному Гражданину... и Главному редактору Белгородского журнала «Звонница» с 1997 года...(33 номера).
- Отцу моему, которого не знал и не видел даже по фотографии, и во сне. Но Он был и пропал в той войне. Я искал его след, но...
- Матери моей, Марфе Васильевне, которая родила меня и овдовела в 27 лет, и заменила мне отца.
- Бабушке – Анастасии Васильевне, которая сохранила меня, вынянчила и дала Память о предках наших и прадедах.

Теперь я живу, как по наказу на стенде читательского зала Областной Белгородской библиотеки: – «Предков чтить – Дела их помнить!», в дни ноября 2019 года, когда создаётся эта книга... книга «Памяти Народной», о войне, о Памяти Победы.

Пусть говорят газетные строки 1985 года, тогда отмечали 40-летие Победы и надеялись на лучшее. Но... Это было Время неустойчивое, Время перемен в руководстве страной от К. У. Черненко к М. С. Горбачёву. Новогоднее поздравление советскому народу, в газете №1 за вторник 1 января 1985 года, начиналось словами: – «Дорогие товарищи, друзья!» и подпись под поздравлением: – «ЦК

КПСС, Президиум В. С., Совет Министров СССР» – т. е. коллективное руководство страной (в 3-х лицах). Газета «Советская Россия», №50, 28 февраля 1985 г. (четверг) напечатала передовую статью – «Торжество социалистической демократии».

А с 11-го марта 1985 г. Генеральным секретарём ЦК КПСС, председателем Совета обороны СССР был избран Горбачёв Михаил Сергеевич, с июля 1985 г. он избран Членом Президиума Верховного Совета СССР...

Потом началась «Перестройка». Но... продолжим.

Советская Россия, №15, 18 января 1985 г.

Предисловие газеты

Твой комиссар. Как свидетельствует редакционная почта, читатели заметили и положительно оценили новую полосу газеты «Творцы Победы: от солдата до маршала». Как часто она будет выходить? Какие материалы составят ее содержание? Эти вопросы – во многих письмах.

Сначала – о периодичности. Вплоть до 9 мая – до специального номера, посвященного Дню Победы, - полоса будет выходить не менее 3 раз в месяц. Ее содержание и в дальнейшем составят рассказы, письма, дневники тех, кто боролся с врагом. Страницы о героях фронта и тыла будут чередоваться с очерками о выдающихся полководцах Великой Отечественной. «Советская Россия» уже опубликовала полосы о Жукове (2.XII.84 г.) и Василевском (4.I.85 г.). На очереди рассказы о Рокоссовском, Говорове, Коневе, Баграмяне, Черняховском, Толбухине, Мерецкове, Малиновском...

Как всегда, мы рассчитываем на вашу помощь, уважаемые читатели. В связи с этим – конкретное предложение. Специальную полосу редакция намерена посвятить партийным работникам на фронте – политрукам, комиссарам Отечественной. Будем вам очень признательны, если вы расскажете о человеке, чей партийный авторитет, чье

партийное слово и дело запомнилось вам в суровые военные годы.

Неполученное письмо.

Гл. 1. «Я БУДУ ПИСАТЬ ТЕБЕ ДОЛГО»

Военврач Галина Хоменко незадолго до своей смерти передала мне письмо матери погибшего солдата. Сколько их треугольников с номерами полевых почт оставалось в госпиталях, не найдя адресата! Мне кажется это справедливо, если это письмо придет к нам сегодня.

А. Бычкова, персональный пенсионер союзного значения.

«Сережа, дорогой, сегодня весь цех готовил подарки фронту. Я вязала шарф и варежки. Когда варежки были готовы, я натянула их на руку: хотелось почувствовать, как мое тепло будет согревать твои ладони. Правда, наши подарки могут уйти и на другой фронт, только мне очень хочется, чтобы мои варежки были у тебя.

Работы много, трудно, но вам ведь еще труднее. Днем на людях легче, а вот ночью не спится, на сердце как-то беспокойно, и все кажется, что ты стучишь в дверь. Это ветер стучит ставнями, гудит в трубе. Тогда я беру Митю к себе в кровать. Его легкое дыхание успокаивает, и я засыпаю. А вчера видела радостный сон: будто сижу на заваulinke, а ты рядом – на пенечке. Кругом зеленая трава, и шумит верба. Ты поешь нашу любимую «Рябину», что к дубу прислонилась, а я слушаю. Очнулась – нет тебя, нет песни... Как же не понять людскую злобу на фашистов: это от них все беды и смрад идет по всей земле.

Ты помнишь, в юности старики называли нас – новое племя. Это правда. Мы первые воспитанники Советской власти. Ленинский комсомол – это мы; честность и скромность – это мы. Первая советская интеллигенция – тоже мы. А вот вооруженные защитники Родины, герои фронта – это вы..

Я буду писать тебе долго, пока не кончится война, а та бумажка, в которой написано, что будто ты убит... Это

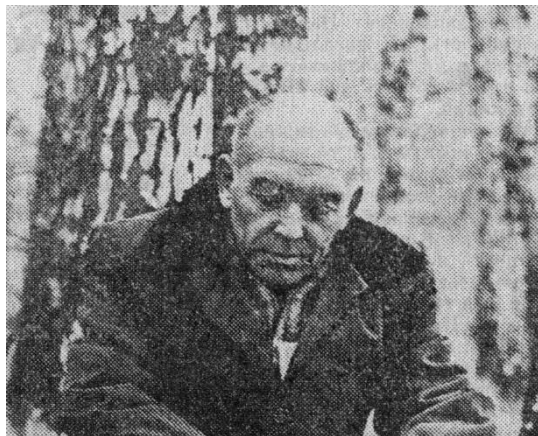
неправда! Я ее спрятала подальше. Когда вернешься ты ее порвешь на мелкие кусочки.

Твоя мама».

Участники исторического парада

Оставалось два месяца. По Красной площади он прошел всего десяток, ну, может, сотню с чем-то шагов. Но до того, как пройти их с опущенным фашистским штандартом на руках, ему потребовалось прошагать дорогами войны три года...

Всю ночь при тридцатиградусном морозе пробирались лесами диверсионная группа партизанского отряда «За Родину», что действовал в Ярцевском районе Смоленской области. Нужно было взорвать мост через реку Водоса. В пять утра, сгибаясь под тяжестью нагруженных взрывчаткой рюкзаков, трое были у цели. Короткий отдых среди гулкой лесной тишины. Затем инструктаж – и вперед. По заросшей лозняком ложине группа подбирается к мосту.

Рискуя оставить на стылом металле куски кожи, партизаны прикручивают заряды тола, присоединяют бикфордов шнур, поджигают его, отходят. Багровая вспышка озарила низкие зимние тучи, островки кустов, в свете пла-

мени мелькнули обломки того, что секунду назад было мостом.

К вечеру вернулись на базу. Одним из партизан был молодой парнишка, которому к той поре едва исполнилось 18 лет. Звали его тогда Слава. Сейчас – Ростиславом Петровичем Чубаровым. Знаю я его давно: жили мы рядом, часто встречались. Знаю и то, что каждый год 9 мая, в День Победы, вместо «цивильного» костюма он надевает старую, пропахшую пороховой гарью, выбеленную солнцем да дождями гимнастерку и идет вместе с фронтовиками на площадь Победы.

В мае 1943-го Ростислав Чубаров вступил в регулярную армию. Форсировал реку Великую у Пушкинских гор, вел изматывающие, кровопролитные бои на Карельском перешейке. Сколько раз смерть рядом шагала. Рассказывает: – Это было в апреле 1945-го, уже в Германии, под городом Арнсвальде. В то время был я командиром отделения разведки 85-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона. Получаю задание – построить артпереправу, форсировать небольшую речку и наступать к Одеру. Комбат наш, Герой Советского Союза капитан Абрамов, решил сам на месте проверить готовность подразделения к бою. Помню, как в апрельской темени вспыхивали ракеты, далекие взрывы снарядов высвечивали горизонт. Через истерзанный и горевший сосновый лес вышли к болоту. Вот и речка. Тихо и зябко от болотной сырости и ощущения, направленных на тебя с той стороны десятков стволов. Слышим голос комбата: «Ребята, ранило!» Ползем к нему. Перебиты ноги! Снимаю, шинель, кладем на нее капитана. Осторожно, стараясь не шуметь – даже дыхание затаили, – несем. До леса сто метров. Все. Пришли. А вот и наши траншеи. Подбежал санинструктор, перевязал комбата. Сейчас Владимир Никифорович Абрамов живет в Севастополе, был я у него не так давно... Понимаешь, до Победы оставалось два месяца, нутром мы чувствовали, что она

рядом, а тут чуть не погибли в этом треклятом немецком болоте...

Весна 1945-го – кто ее забудет! Форсирование Одера, бои за Берлин. Победа! Слов нет, чтобы это рассказать. Но вдруг неожиданно (это уже в начале июня) вызвал командир: «Вы посылаетесь представителем батальона на Парад Победы в Москву». – Я рубил шаг по брусчатке, и все, что пережил за эти годы, пронеслось в мыслях: и стылые партизанские землянки, и кровавые поля минувших боев, и сожженные многострадальные русские деревни, и старчески сморщенное, с недетскими глазами лицо пятилетнего мальчишки, которому я сунул на ходу (были на марше) полбуханки хлеба у сожженной деревни... И вот когда к подножию нашей святыни – Мавзолею – швырнул я ненавистный этот штандарт, тогда-то со всей полнотой ощутил: нет больше войны и не будет, пока будем живы мы, советские люди!

...Много воды с тех пор утекло. Служил до 1952 года в армии. Ушел в запас. Затем окончил с золотой медалью вечернюю школу (до войны не успел), учеба в институте, аспирантуре, защита диссертации. Сейчас кандидат технических наук Ростислав Петрович Чубаров работает в вычислительном центре.

Встретились в пригородном перелеске на прогулке. Развели небольшой костерок, обогрелись, поговорили. Было что вспомнить ветерану.

А. Ларин. Фото автора.

Рассказ о человеке, который прошел всю войну коммунистом, но получил партбилет шестнадцать лет спустя

Кандидат в члены ВКП(б). ХУТОР Суходол. Старый крестьянский дом в конце улицы, огород, несколько таких же старых яблонь в саду, а за плетнем уже луга Волго-Ахтубинской поймы. Хозяин дома, Иван Афанасьевич Дядькин, встретил меня на крыльце – сухощавый, в про-

стенкой изношенной шапке, ничем внешне не приметный, – и если бы я его не знал, ни за что не поверил, что это о нем сказано в «Истории СССР», выпущенной издательством «Наука»: «В 1943 – 1945 годах на территории Бельгии действовала русская партизанская бригада «За Родину»... Инициаторами и организаторами создания бригады были лейтенант Красной Армии И. А. Дядькин и чекист В. А. Трефилов. Эта бригада приняла активное участие в вооруженной борьбе бельгийского народа».

ПО ВЕСНЕ, с началом теплых дней, артиллерийский полк, в котором по окончании училища лейтенант Дядькин служил командиром взвода разведки, выехал в летние лагеря. Полк дислоцировался на реке Березине, под Белостоком, буквально в 12 километрах от нашей западной границы.

– За три дня до этого я подал заявление в партбюро о вступлении в партию. Я уже был в то время кандидатом, мой кандидатский стаж закончился, и коммунисты полка по моему заявлению должны были решить, готов ли я быть членом партии». «Он говорит неторопливо чуть глуховатым, но твердым голосом, и глаза загораются упрямым молодым огнем: – Партийное собрание, на котором должны были обсуждать мое заявление, было назначено... на 25 июня. Оно не состоялось – с первых часов полк вынужден был воевать в окружении. Я решил: важно чувствовать себя коммунистом, кандидатская карточка – это тот же партийный билет, и вести себя, как подобает большевику, что бы со мной не случилось...» Взвод разведки, которым командовал лейтенант Дядькин, влился в артдивизион, но с каждым боем дивизион редел. – Мы дрались, когда драться уже казалось невозможно. – Иван Афанасьевич поднял глаза. – Я честно говорю, до ножей в рукопашной доходило дело. Меня жгло одно – не попасть в плен. Лучше смерть, чем оказаться в плену».

Но в очередной схватке он был сражен на землю...

ДВА ПОБЕГА – и дважды его поймали. Били. Думал расстреляют, но почему-то оставили в живых. Ему еще все и сейчас снится тот проклятый и горестный эшелон. Удары автоматами в спину, щелканье запоров, вагон из-под скота. – Позор плена... Я жил одной надеждой: все равно или убегу, или пусть убьют. Вину можно искупить, бесчестьем искупления нет – это мое твердое убеждение. Я знаю судьбы некоторых, кто тогда поступился честью Родины. Расплата настигла их – даже тех, кто остался скитаться на чужбине. Расплата моральная: они сами лишили себя Родины».

За вагонной решеткой пошли чужие города. Наконец эшелон загнали в тупик. Ночью пленных погрузили в крытые машины, наутро они оказались в лагере в горах. Первый немой вопрос, когда Дядькин огляделся вокруг и увидел угрюмые горы и леса: где мы? Выяснилось – в Бельгии. По кружке баланды, и погнали в шахту, под землю. Охрана на шахте с течением времени стала периодически меняться: двое-трое суток немцы, потом на какое-то короткое время появляются бельгийцы. Дядькин подметил, что бельгийские охранники благодуще, не тычут оружием в спину, не издеваются, иногда сходятся вдвоем или втроем покурить.

Еще в эшелоне Дядькин сошелся с молчаливым соседом по вагону Тихоном Зенковым... Тихон Васильевич прошел с Дядькиным через «огни и воды», был верным его боевым товарищем и сейчас живет в Воронежской области. Скупые письма, открытки по праздникам, а истинные чувства в сердце, их словами не выразишь. Они выбрали момент, когда «их» бельгийский охранник, прикрикнув издали для острастки, пошел перекурить, и вдвоем выскользнули из шахты. На счастье, никто не заметил. Еще не веря что повезло они в отчаянии бросились в близкие заросли. Дядькин ждал: вот сейчас ударит автоматная очередь, но лучше смерть, чем снова эта шахта, позорная колонна под

С лейкой и блокнотом. Фотокор «Правды» Виктор Темин отснял всю войну с первого и до последнего дня. На его фотографиях – неизвестные солдаты и знаменитые полководцы, партизаны Белоруссии и нацистские преступники. В военном архиве Темина три тысячи негативов, три тысячи эпизодов. Как и солдатам Отечественной, фотокограм тоже вручали награды. У В. Темина три ордена Красной Звезды, Орден Отечественной войны второй степени и, пожалуй, самая дорогая – медаль «За отвагу». Фотокор Темин рисковал не меньше остальных...

Снимок, который мы представляем сегодня, сделан в 1941 году в Подмоскowie. Молодой сапер – имя его не известно – один обезвредил все эти немецкие мины. За каждой пряталась смерть. Как сложилась судьба солдата? Об этом спрашивает сегодня своим снимком фотокор. Виктор Темин.

Снимок из архива. 1945 год. Советские войска входят в освобожденный польский город Лодзь. Виктор Темин

40 лет назад Совинформбюро сообщило:
На безымянной высоте

НА СНИМКЕ: слева направо – Н. Мокридов, Г. Голутва, В. Брагин, А. Попов, Н. Самохин, Т. Горнов, М. Коробов, М. Хайрутдинов, М. Сурин – все они стали Героями Советского Союза. Фото А. Становова.

«Войска 3-го Белорусского фронта, перейдя в наступление при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации,

прорвали долговременную, глубоко эшелонированную оборону немцев, прикрывавшую границы Восточной Пруссии.

...Преодолевав ожесточенное сопротивление противника и его укрепления, наши войска переправились через реку Шешупа, пересекли советско-германскую границу и ворвались в немецкий город Ширвиндт...»

Михаил Николаевич Коробов, старший научный сотрудник Института геологии АН СССР, просматривает сообщение и кивает:

– Тогда и с нашего плацдарма наступали, только мы те, кто его брал в августе сорок четвертого, были уже в другом месте...

Длинной была та памятная полудремотная ночь в ожидании рассвета. Рота знала, что утром – в бой. Уже выдан был тот красный флажок, который завтра они должны были поднять на земле Пруссии.

Немцы отходили огрызаясь автоматными очередями. А они все бежали, и перекатывалось под небом, казавшимся бесконечно далеким, громкое «Ура». И вот уже упал убитым первый знаменосец, уже, увидев реку, раненый лег наземь второй, а когда ротный крикнул: «Коробов! Мишка! Давай!» Он подхватил флаг и, посмотрев в сереющие болью и мукой глаза раненого, сказал: «Не бойсь, донесу».

На берегу их было еще много, а на другую сторону, отряхиваясь, вылезли только пятеро. Михаил Блинков сказал: «Ну, на земле – не на воде, теперь умирать попроще будет...»

Они были первыми на немецкой земле, той, откуда пришла в их дом беда. Пятеро вросли в безымянный бугор. Они вгрызлись в него зная, что до ночи помощь вряд ли подойдет.

...Сначала в атаку пошла пехота, а потом из леса выползли танки, грязные, заляпанные грязью так, что не было видно даже крестов на броне. Стоял на высоте красный флаг и били оттуда автоматы. Танки пошли, дымя га-

золином, поближе и с ходу открыли огонь. Но не тут-то было. Один так и остался на бугре.

Мне так хотелось, чтобы это был именно его, им подбитый танк, и не удержавшись спросил: «Михаил Николаевич, а танк вы подбили?»

Он улыбнулся: «Не знаю, все гранаты бросали, а кто попал?.. Нет, не я. Не это же важно, главное, до темноты все же продержались».

Вскоре, после трудных боев их сменили, а вот красный флаг так и остался реять над высотой, имени которой никто не знал, да, наверное, так никогда и не узнает. Отсюда рванулось вперед новое наступление.

Михаил Коробов снова шел впереди своего взвода. Судьба сержантская... Бежал. Кричал. Падал. Поднимался и снова падал. Это был для него последний бой войны, а потом – почти год непрерывного боя со смертью по больничным палатам. Руки врачей и медсестер...

Он оторвался от цепи, взвод залег в стороне, а впереди – окоп, где сидело несколько немцев. На бегу Михаил крикнул: «Хенде хох!» Один долговязый немедленно поднимал, разгибаясь, руки, а второй с полуоборота полоснул очередью из «шмайсера» по ногам. Сержант упал и, уже падая, успел подрезать обоих очередью. Только подумалось: «Если не попал, конец...»

Из соседнего окопа вылетела граната и со всей силы ударила Михаила по спине, отскочила и покатилась вниз, ударили осколки, тут же, где-то рядом, раздался тот звук, который солдаты называли «плещет». «Плескал» снаряд, через секунду разорвавшийся в нескольких метрах. Взрывной волной парня кинуло в ручей. Мирно журчала вода... Мимо бежали ребята из роты, глянули: отвоевался. Решили: вечная память тебе, сержант. А он жив был.

...Когда стояли они на отдыхе, собрали всех героев последних боев. Долго прилаживался фронтовой фотограф Александр Становов, и вот он – кадр. Вглядываюсь в улы-

бающиеся лица тех, кто первым вошел на землю Восточной Пруссии. Все они шагнули в историю, шагнули молодыми, веселыми – герои Великой Войны...

М. Соколов

Советская Россия, №32, 08 февраля 1985 г.

Гл. 4. МАРШАЛ ГОВОРОВ

В начале 1943 года редакция «Красной звезды» направила меня своим корреспондентом в осажденный Ленинград.

Важную роль в организации защиты города, в прорыве блокады сыграл командующий Ленинградским фронтом замечательный полководец Леонид Александрович Говоров.

Нам, фронтовым корреспондентам, не раз приходилось видеть его на передовых позициях, встречаться с ним, беседовать с его боевыми соратниками. Содержание этих бесед, рассказы тех, кто воевал под началом Л. А. Говорова, документы, личные впечатления и легли в основу очерка.

И. Гаглов, бывший корреспондент «Красной звезды»
на Ленинградском фронте.

*Командующий Ленинградским фронтом
генерал-полковник Л. А. Говоров (1943 год).*

(Фото из архива Центрального Музея Вооруженных Сил СССР).

Артиллерийская дуэль. Перед отлетом в Ленинград Говоров был принят Верховным Главнокомандующим. Со-

стоялась короткая беседа. В ней в предельно сжатой форме были сформулированы четыре стратегические задачи войск Ленинградского фронта. Во-первых, не допустить разрушения Ленинграда осадной артиллерией фашистов. Во-вторых, превратить Ленинград в абсолютно неприступную крепость. В-третьих, накопить силы внутри блокады для будущих наступательных операций. В-четвертых, снять блокаду, изгнать фашистов с ленинградской земли.

Первое, что потребовал Говоров от штабных работников, – сводку об обстреле города немецкой артиллерией. Сводка гласила: в январе в городе разорвалось 2696 вражеских снарядов, в феврале – 4771, в марте – 7380. Погибли тысячи людей.

Свидетельствует командующий артиллерией Ленинградского фронта Г. Ф. Одинцов... «Представьте свои соображения об обеспечении нашего огневого господства и о том, как можно уберечь город, заставить замолчать осадную артиллерию врага», – приказал мне командующий группой войск Ленинградского фронта.

Способность Говорова искусно применять артиллерию для поражения вражеских танков, скопления пехоты, маневрировать огнем на поле боя заметил в битве под Москвой Г. К. Жуков. Тогда Говоров командовал пятой армией. Поэтому, когда весной 1942 года остро встал вопрос о посылке в Ленинград военачальника, способного организовать неприступную оборону, спасти город от разрушения. Г. К. Жуков, не колеблясь, рекомендовал Верховному Главнокомандующему Говорова».

Мы, военные корреспонденты, любили ездить в 47-й корпусной артиллерийский полк, входивший в контрбатареиную группировку. Стоял он в районе Автово. Много писали о мастерах меткого огня этого полка. Отменным знатоком контрбатарейной борьбы был командир полка майор Н. П. Витте. Действия его однажды наблюдал Л. А. Говоров. Во время посещения им полка враг открыл

артиллерийский огонь. Тут же раздался телефонный звонок. Начальник штаба капитан В. П. Гордеев, выслушав доклад командира отдельного разведывательного артиллерийского дивизиона, моментально по другому телефону отдал приказ: «Цели двести двадцать один и двести пятьдесят два ведут огонь по Кировскому заводу, Подавить!»

— Кому вы подали команду? — спросил Л. А. Говоров. «Командиру второго дивизиона. За ним закреплены эти цели. Они давно засечены, определены их координаты».

Потребовалось всего четыре минуты, чтобы открыть огонь. Достаточно было двенадцати снарядов, чтобы вражеские батареи замолчали.

Одоблив действия артиллеристов полка, командующий высказал мысль: «А нельзя ли активизировать борьбу за огневое господство. Навязывая гитлеровцам огневой бой, вести не только артиллерийскую дуэль, но и осуществлять массированные удары по штабам, узлам связи, складам. Этим самым вы вызовете огонь на себя, но отвлечете стрельбу осадных орудий от города. Подумайте».

Эта мысль Говорова вскоре обрела конкретное выражение в виде приказов и распоряжений.

В дни блокады. Мне удалось в свое время записать рассказ начальника инженерных войск Ленинградского фронта генерал-лейтенанта Б. В. Бычевского. Привожу его слова: «Говоров в Ленинграде... Вот сидит он в своем кабинете в Смольном, возвратившись из очередной поездки в войска. Строгий, внешне сухой, неприветливый человек, с коротко подстриженными усами на усталом лице. Внимательно слушает члена Военного совета А. А. Кузнецова, рассказывающего, как идут работы по прокладке в осажденный Ленинград бензопровода по дну Ладожского озера. Кузнецов говорит о тех невероятных трудностях, которые переживают ленинградцы, перенося холод и голод. Серые глаза Говорова внимательно смотрят на собеседни-

ка. В них и восхищение и горечь. Заходившие желваки на скулах, нервное потирание кистей рук выдают его волнение. Он просит Алексея Ивановича принять все меры, чтобы точно выполнить график строительства. Ведь бензин – это хлеб для двигателей. Он нужен и для спасения горожан». Уже в начале лета 1942 года по приказу Л. А. Говорова войска фронта на многих участках обороны стали вести активные действия. Цель – предотвратить новый штурм Ленинграда, обескровить сосредоточенную здесь группировку противника, не допустить переброски войск на другие участки советско-германского фронта, а также подготовить условия для успешного прорыва блокады.

Начальник разведотдела штаба Ленинградского фронта П. П. Евстигнеев вспоминает: «Его скрупулезность при изучении разведывательных данных могла утомить даже нас, разведчиков. Настойчив он был дьявольски. Сидел часами с лупой, сравнивал с аэрофотосъемками все фотографии, добытые войсковыми разведчиками, авиационной разведкой. Тщательно изучал показания пленных».

К концу августа окончательно был выявлен замысел противника. Из-под Севастополя гитлеровским командованием была переброшена 11-я армия Манштейна, специалиста по штурму крепостей. Предупреждая вражеский удар, войска Ленинградского и Волховского фронтов перешли в наступление. Оно отличалось невероятной ожесточенностью. Развить успех нашим войскам не удалось, но, как отмечается в истории Великой Отечественной войны, действия наших войск «вынудили немецко-фашистское командование использовать для отражения удара советских войск соединения, предназначенные для наступления на Ленинград».

28 декабря 1942 года в штаб Ленинградского фронта пришла телеграмма Ставки: «Ефремову, Афанасьеву, Леонидову. Ставка Верховного Главнокомандования утвердила ваше предложение о сроках готовности и начала операции «Искра».

Телеграмма была кодированной. Афанасьевым условно называли командующего Волховским фронтом К. А. Мерецкова, Леонидовым – командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова, а Ефремовым – К. Е. Ворошилова, которому ставка поручила координировать действия фронтов.

...Утро 12 января 1943 года. В 9 часов 30 минут на обоих фронтах началась мощная артиллерийская подготовка. Изготовившиеся к наступлению стрелковые соединения ждали сигнала для атаки. Возрастала напряженность. К тому же, как ни тепло были одеты бойцы, давал себя знать мороз – температура упала до минус 23 градусов. В 11 часов 50 минут поднялись полки четырех ленинградских дивизий. По невскому льду широкой лавиной атакующие продвигались на левый берег. Первыми шли штурмовые группы с лестницами, «кошками» – местами обрывистый берег Невы достигал значительной высоты. Продвижение вперед шло медленно. Дивизии Ленинградского и Волховского фронтов, наступавшие навстречу друг другу, с трудом преодолевали глубокоэшелонированную оборону врага. Прорыв блокады осуществлялся южнее Ладожского озера, в самом узком месте вражеского кольца окружения. Ленинградцев и волховчан разделяло лишь 12–15 километров.

Л. А. Говоров, следивший за развертыванием событий, быстро реагировал на изменение обстановки. Когда 15 января противник начал вводить в бой свежие резервы, он противопоставил им сильную артиллерийскую группировку и удар с воздуха. Фашистские резервы таяли на глазах.

Расстояние, разделявшее войска Ленинградского и Волховского фронтов, становилось все меньше, но требовался всего один решительный рывок. И он был сделан. 18 января в 9 часов 30 минут на окраине рабочего поселка № 1 обнялись по-братски воины 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта и 372-й стрелковой дивизии Вол-

ховского фронта. Немного позднее, в 11 часов 35 минут, произошла встреча на окраине рабочего поселка № 5 воин двух наиболее отличившихся дивизий генералов Н. П. Симоняка и М. Н. Овчинникова.

Блокада Ленинграда прорвана. Эта победа имела огромное политическое значение. Вскоре вошла в строй железнодорожная линия Шлиссельбург – Поляна, построенная в короткий срок по решению Государственного Комитета Оборона. Но враг все еще оставался под стенами Ленинграда. Его надо было уничтожить.

В наступлении. Впереди наступление. Л. А. Говоров снова и снова внимательно изучает все операционные направления. В середине октября 1943 года он ночью пересекает Финский залив на тральщике, желая лично убедиться в особенностях морским сообщением с Ораниенбаумским плацдармом.

Между блокированным Ленинградом и Ораниенбаумом был небольшой, в несколько квадратных километров, клочок земли, и там – гитлеровцы. На пятачке находилась небольшая оперативная группа, надежным щитом которой был Кронштадт и корабли Краснознаменного Балтийского флота.

Результаты поездки сюда командующего фронтом стали ясны много позднее. На плацдарм были срочно переброшены личный состав ударной армии, свыше двух тысяч различных боевых машин, много оружия и минометов, десятки тысяч тонн боеприпасов и других военных грузов.

Шло сосредоточение советских войск и на другом направлении – под Пулковом. Здесь готовилась к решительному наступлению 42-я армия, усиленная артиллерийскими, танковыми войсками. Замысел предстоящей операции Военным советом Ленинградского фронта был представлен в Ставку. В конце ноября 1943 года на совещании в Ставке с участием командующих фронтами северо-западного направления был окончательно выработан план

операции. Главная цель ее – разгромить группу армий «Север», полностью снять блокаду героического Ленинграда и начать освобождение Прибалтики.

Звание генерала армии, присвоенное Л. А. Говорову 17 ноября 1943 года, говорило о многом. Оно означало, естественно, признание возросшего его авторитета, как полководца.

Одиннадцатого января 1944 года в Смольном собирается Военный совет во главе с Л. А. Говоровым и А. А. Ждановым. Присутствуют командармы И. И. Масленников, И. И. Федюкинский, ответственные работники штаба фронта, родов войск. Коротко подводятся итоги подготовки к операции. Объявляется день ее начала: с Ораниенбаумского плацдарма – 14 января, со стороны Пулкова – 15 января.

В 9 часов 35 минут 14 января 1944 года раздались могучие раскаты грома. Это ударили мощные орудия Кронштадта, фортов Серая лошадь и Красная горка, артиллерийских полков 2-й ударной армии. Была корабельная артиллерия. Даже поврежденный линкор «Марат» принял участие в артиллерийском обстреле. Артиллерийскую подготовку, дружную первую атаку воинов с Ораниенбаумского плацдарма наблюдал командующий фронтом. Пренебрегая опасностью, он на самолете прилетел на плацдарм.

На следующий день рано утром командующий был уже в Ленинграде, на наблюдательном пункте на седьмом этаже недостроенного Дома Советов. Отсюда хорошо были видны позиции противника – недалеко от Пулкова. Когда-то, в пору глухой блокады, лишь одиночки пробирались поближе к немецким траншеям. А сегодня в тумане идут и идут гвардейцы дивизии генерала Н. П. Симоняка...

Характер и содержание этой выдающейся операции подробно разобраны в военно-исторических трудах, и нет необходимости повторяться. Важно отметить, что в эти

дни Л. А. Говоров как полководец умел мгновенно реагировать на изменение оперативной обстановки, смело брал всю полноту ответственности на себя. Поддерживая инициативу командиров, он вовремя приходил на помощь. Медленно шло наступление у волховчан. Говоров входит с предложением в Ставку осуществить глубокий маневр войсками Ленинградского фронта. Предложение принимается.

Участник этого обходного маневра генерал С. Н. Борщев рассказывает: «Наша 46-я стрелковая дивизия находилась в резерве. Мы готовились развить успех первого эшелона. Незадолго до этого меня принимал командующий фронтом. Командующий интересовался состоянием обороны, оружия, техники и особенно подробно расспрашивал о людях. Не раскрывая всего замысла предстоящей наступательной операции, он дал понять, что надо быть готовым к любым неожиданностям, к действиям в лесисто-болотистой местности, вдали от дорог.

Началось долгожданное наступление. 24 января получили телеграмму из штаба фронта, в которой говорилось, что наша 46-я дивизия переподчиняется 42-й армии, а вслед за этим пришел приказ – наступать с рубежа Марленбург–Гатчина. Вскоре начался наш знаменитый глубокий маневр в обход Луги. Наступали в лесисто-болотистой местности во взаимодействии с партизанами. Только за пять дней боев гитлеровцы потеряли 2,5 тысячи солдат убитыми и пленными, мы захватили 35 танков, 90 орудий, 40 бронетранспортеров. Наш глубокий обходной маневр позволил сломить сопротивление противника в сильно укрепленном Лужском районе, открыл путь для наступления на Псков. Когда встал вопрос о присвоении дивизии наименования Лужской, один из офицеров штаба выразил недоумение: «Она же в Лугу не входила». На что А. А. Жданов ответил: «Обойти тяжелее, чем войти», а

Л. А. Говоров тут же добавил: «Если не обойдешь, то и не войдешь».

День 27 января 1944 года для ленинградцев явился днем исторической важности и непередаваемой радости. В этот день наши войска полностью сняли блокаду с Ленинграда. Темное блокадное небо Ленинграда, которое 900 дней озарялось только тревожными лучами прожекторов и зарницами артиллерийских залпов, впервые осветилось сверканием огней торжественного салюта».

В приказе № 16 Верховный Главнокомандующий писал «Великая победа одержана советским воинами под Ленинградом». Это высокая оценка. Ее заслужили мужественные ленинградцы, бесстрашные воины. Ее заслужил командующий фронтом Л. А. Говоров, блестяще разработавший и осуществивший наступательную операцию, показав полководческий талант.

Не менее успешно была проведена в этом же 1944 году вторая операция – на Карельском перешейке. Вот документ, который дает представление о мастерстве воинов Ленинградского фронта его командующего.

«Командующему Ленинградским фронтом тов. Говорову, члену Военного совета фронта тов. Жданову.

Наступление войск Ленинградского фронта на Карельском перешейке развивается успешно. Противник расстроен, ему нанесены тяжелые потери, и сопротивление его ослабело. Войска фронта имеют превосходство над противником в пехоте в три раза, в артиллерии, танках и авиации – значительно больше. Все это создает благоприятные условия для дальнейшего развития наступления.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Продолжать наступление, энергично преследуя отходящего противника, с задачей 18–20 овладеть районом Выборга.

2. Принять все меры к быстрому продвижению за пехотой тяжелой артиллерии и бесперебойному материальному обеспечению войск.
Об отданных распоряжениях доносить.
Ставка Верховного Главнокомандования».

И. Сталин.

Антонов.

11.6.44

В точно установленный Ставкой день 20 июня, войны 21-й армии штурмом овладели Выборгом, прорвав три линии долговременной обороны. В разгар боев на Карельском перешейке 18 июня Говорову было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Авторитет Леонида Александровича Говорова в войсках, среди командиров и политработников, офицеров штаба фронта был очень высок. Не меньшим он был и среди ленинградцев.

Говоров очень ценил революционные традиции пионеров. В первый же день пребывания в Смольном попросил проводить его в комнату, где работал В. И. Ленин. Будучи на Кировском заводе, встречался с рабочими – участниками Октябрьской революции. Некоторых товарищей (по крайней мере сначала) до некоторой степени смущало то, что Л. А. Говоров был беспартийным. И невольно возникал вопрос: «Кем он будет в Ленинграде – военным специалистом или больше?» Но вскоре все стало на свое место. Первого июля 1942 года Леонид Александрович Говоров подал заявление в партийную организацию штаба Ленинградского фронта. Он писал: «Прошу принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), вне которой не мыслю себя в решающие дни жестокой опасности для моей Родины». Перед этим он говорил по телефону с П. Ф. Ивановым – членом военного совета 5-й армии. П. Ф. Иванов немедленно прислал свою рекомендацию. Две другие партийные рекомендации дали Г. Ф. Одинцов и А. В. Гвоздилов. Собрание единогласно

приняло Л. А. Говорова кандидатом в члены ВКП(б), а через несколько дней А. А. Жданов сказал Леониду Александровичу, что Центральный Комитет вынес решение о приеме его в члены партии без прохождения кандидатского стажа.

Личный пример был основой авторитета полководца Говорова. Начиналось это с внешнего вида. Он всегда был подтянут, выше среднего роста, сухоощавую фигуру ладно облегал китель. Ходил медленно, строго размеренным шагом. Не любил много говорить. Когда обращались к нему с вопросом, отвечал не сразу, с некоторой задержкой. Но ответ был четким, без лишних слов. В его подходе к людям всегда чувствовался строгий педагог. Он умел, не перебивая, слушать, но не терпел многословия и особенно пустозвонства, Указания давал очень ясные, требующие от исполнителя основательно «пошевелить мозгами», проявить самостоятельность, инициативу.

Командующий очень внимательно относился ко всему корпусу журналистов, писателей. Многих знал лично, ценил их труд. Надо сказать, что сам Говоров писал мало. Одну статью он написал. Это – предисловие к книге «Великая победа советских войск под Ленинградом», изданной политуправлением Ленинградского фронта в январе 1945 года. Статья небольшая, но она в краткой, отточенной форме повествовала не только о достигнутой победе, но и ставила задачи перед войсками фронта на будущее. Статья так и называлась «К новым победам над врагом!».

Мне приходилось встречаться с известным советским писателем Николаем Семеновичем Тихоновым, близко знавшим маршала Говорова.

Он вспоминал: «Леонида Александровича заинтересовала работа нашей писательской группы при политуправлении фронта, которую я тогда возглавлял. Я подробно доложил о нашем труде. Меня поразило знание маршалом творчества многих ленинградских писателей.

Командующий попросил нас больше писать о Ленинграде, о его истории, традициях, памятниках. Он сказал: «Понимаете, приходи новое пополнение, не видевшее Ленинграда, а им его защищать. Больше будут знать о Ленинграде – лучше будут воевать». После этой беседы мы развернули огромную работу...»

Маршал Говоров умер в расцвете своих творческих сил – 58 лет. Много позже я впервые узнал о предсмертном письме Л. А. Говорова в Центральный Комитет КПСС. Он продиктовал слова сыновней благодарности Коммунистической партии.

«Она открыла мне, – говорилось в письме, – дорогу в большую жизнь, доверила руководство войсками в суровых боях за свободу и независимость Отчизны... Я должен был сделать больше, но сделал, что успел, что смог...».

Факты биографии

Леонид Александрович Говоров родился 22 февраля 1897 года в селе Бутырка бывшей Вятской губернии, ныне Кировской области в крестьянской семье. В 1916 году поступил в Политехнический институт в Петрограде, в декабре того же года призван в армию и направлен в Константиновское артиллерийское училище, которое окончил в 1917 году.

Служил в Томске младшим офицером отдельной мортирной батареи. С января 1920 года – в рядах Красной Армии, вступил в нее добровольцем. Участвовал в боях на Восточном и Южном фронтах, командовал артиллерийским дивизионом, который особенно отличился в боях с танками врангелевцев на Каховском плацдарме.

Окончил высшие академические курсы, Военную академию им. М. Ф. Фрунзе, Военную академию Генштаба. Командовал артиллерийским полком, был начальником артиллерии укрепленного района корпуса. Перед войной – заместитель генерального инспектора артиллерии Красной Армии, начальник Военно-артиллерийской академии

им. Ф. Э. Дзержинского. В годы войны начальник артиллерии Западного направления, Резервного и Западного фронтов, командующий 5-армией, командующий группой войск Ленинградского фронта, командующий Ленинградским фронтом.

После войны был командующим войсками Ленинградского военного округа, главным инспектором Сухопутных войск, главным инспектором Вооруженных Сил – заместителем министра Вооруженных Сил СССР, главным-командующим войсками ПВО – заместителем министра обороны СССР.

Битвы и операции: 1941 г. – Ельницкая операция, битва за Москву. 1942–1945 гг. – битва за Ленинград, Красносельско-Ропшинская операция, Выборгская операция, освобождение Эстонии.

Награды: Герой Советского Союза. Кавалер высшего победного ордена «Победа». Награжден 5 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени, Красной Звезды, медалями и иностранными орденами. Названы именем Говорова – улицы в Москве и Ленинграде. Военная академия. Теплоход.

Советская Россия №38, 15 февраля 1985 г.

Гл. 5. МАТЬ СОЛДАТА

Они провожали нас на бой, ждали, согревали душевным теплом. В детстве мне казалось, мама будет всегда: с мамой было просто, надежно и хорошо. Какая она была девчонкой, рассказывала мне тетка: «Оля была бойкая, ну бойкая, парню не уступит. Сапоги с тятенькой шила». Вот все, что осталось в памяти о маме молодой. А как она жила вдовой солдатской, прошло на моих глазах. Да и прошло-то быстро. Вначале и не спрашивали: «Как живете, солдатки?» Теперь этот вопрос звучит острее, хотя вдов от войны осталось меньше. Зато в сердцах их постаревших

детей память о них стала более жгучей, а иной раз вспоминаются они с болью. Всепрощающе-терпеливы они, матери наши, и не всегда сразу открывали нам печаль души.

По прошествии лет и далее я буду помнить две встречи с мамой.

Когда наша военно-курсантская учеба подходила к концу, добралась мама с другими женщинами на свидание. Они с котомками стояли у ворот распахнутых настежь, а мы отделениями выходили на занятия. Матери ловили нас глазами, стараясь узнать своих в многоликой одинаковости ребят в военной форме. Я первым увидел маму, и меня неудержимо понесло из строя к ней. На сером лице ни слезинки, но она захлебывалась «Не отпущу, не отдам, зачем война...».

Мама не понимала, что нас готовили автомеханиками и от огненной передовой нам быть на почтительном расстоянии, и все-таки на войне, как на войне. Едва ли мама соображала, что говорила, вцепившись в худенькие плечи сына, но сквозь ее беззвучное рыдание я понял: погиб отец. А что пережила она, получив страшный документ войны – похоронку, узнал позже. Не разворачывая и не читая ее, мама упала в беспамятстве у порога и поползла в горницу, сбивая половики – все ползла и ползла с невыносимой тяжестью. Пока наконец не ткнулась лбом в пол и не зарыдала. Тетки, собравшиеся утешать ее, стали креститься: думали, замучится Оня.

После войны мама записала для памяти: «У дяди Андрея погибли три зятя и сын, у тети Тани – зять и сын, у тети Зины – сын, у дяди Петра – сын, у тети Мани – два сына, наш отец и брат его Павел».

Черту под скорбной памяткой подвел День Победы, как охранный грамота: живым – жить.

Домой я возвращался через год в южноуральский городишко Пласт. Приехал со станции в сумерках и не шел, не бежал, а летел на крыльях к маме. Издали увидел

знакомый силуэт нашего дома под тополем, одно окошко, не закрытое ставнем, светилось: мама дома – обрадовался я. Как-то пробежал по двору, постучался... Были объятия, поцелуи – все, конечно, было. А главное, мамин прежний уют. Те же старинные часы. «Совсем не шли, керосином смазала – идут», – сказала мама. Наша старая кошка у печки на лавке, половики в три рядочка. На затертой добела клеенке мигом организовался ужин.

– Выпьешь рюмочку, – улыбнулась мама, – чать, научился? Ну ладно, пригласим родных, мучки припасла, – весело сообщает она.

И уже ночь не ночь – квашонку примешивает, гремит листьями. Мне тоже долго не спится. Оттого просыпаюсь поздно. Из горницы видно, как мама хлопочет у печки. На лице ее и на кофте – багровый пламень. Шипят, разливаясь на сковородке, блины...

Первым делом надо сфотографироваться, так уж заведено – на память о встрече. Мама достала отцов костюм, галстук, мои рубашки, оказавшихся тесноватыми, а костюм велик. «Подрос, но в плечах не раздался», – определяет мама. С горечью слушал я, как мама называла меня Колей – это отец – и как, осекшись, поправлялась. Но даже разбередив душевную рану, она старалась не показывать свои страдания. Мне бы за все благодарить ее, обнимать и утешать незаметно, целовать руки, но я не трогаюсь с места. Теперь-то понимаю, как мы мало их берегли, мало о них заботились. Но мама и так счастлива, радуется моему возвращению, ведь в других семьях мужья и сыны не вернулись. А матери погибших друзей, дожив до старости, носят небывалую ненависть к войне. Поминая сыновей, они встречаются с ними лишь в беспокойных снах – и это почитается за счастье. Мало им досталось тепла сердечного, а они не пеняли...

Мама и спустя годы нет-нет да и называла меня именем отца. А умирая, достала дрожащей рукой паспорт и

подала мне. В нем оказалось извещение – ветхая желтая бумажка перегоревшая от времени и слез, сложенная втрое, вчетверо: «Ваш муж красноармеец... уроженец... проявив геройство и мужество в бою за Родину, был убит 30 июня 1944 года, похоронен...» В извещение была вложена такая же ветхая «Справка» за подписью командира части о награждении отца медалью «За отвагу».

Мы для наших матерей всегда дети. Они – главные хранители памяти, верстовые столбы к обелискам и братским могилам, к которым теперь стар и мал несут и всегда будут приносить цветы памяти.

Тяжело умирают наши матери, жгучую печаль и скорбь вызывают у них далекие воспоминания. Когда маме стало совсем худо, она попросила поставить возле нее довоенную увеличенную фотографию, где они с отцом молодые, счастливые и не предвидящие никакой войны. Так и умирала она не под образами, а под дорогой ей фотографией. Сколько их висит еще по избам, квартирам, общежитиям – память о родителях, дедах, в большинстве погибших на войне или умерших от ран. Мы знали, что отец погиб, но мама, скрывая от нас, хранила тайную надежду, что, может быть, он вернется. Не об одном из миллионов погибших так думали вдовы и матери, живя ожиданием, подерживая душевный огонь.

Анатолий Тумбасов, заслуженный художник РСФСР. Пермь.

Героическое – навечно!

Редакция уже неоднократно поднимала вопрос о создании «Солдатской книги», где были бы собраны живые свидетельства фронтовиков. Об этом писал известный писатель Виктор Астафьев, эта мысль высказывалась и в письмах участников конференции «Победители», опубликованных на страницах «Круга чтения». Сегодня мы возвращаемся к этой теме, т. к. наши читатели настойчиво пишут о необходимости собирать повсеместно воспоминания, письма фронтовиков, записывать их свидетельства о подвиге народном.

ВОЙНУ 1941–1945 гг. наш народ назвал Великой Отечественной. Нет семьи, которой бы не коснулась она

своим острием. Миллионы погибших на полях сражений, миллионы сожженных в крематориях гитлеровских лагерей, миллионы умерших от голода и холода!

Немало создано замечательных книг о минувшей войне, снято волнующих фильмов, издано мемуаров. Но с болью каждый день смотрю я на последние страницы газет центральных и местных. Сколько уже ушло и каждый день уходит бесценных свидетельств участников войны!

Мне не дает покоя мысль: надо сохранить время, пережитое моим поколением. В преддверии сорокалетия Победы в редакции журналов и газет приходит много материалов участников войны. Конечно, только малая часть их них будет напечатана: не безграничны возможности журналов и газет. Большинство воспоминаний, живых свидетельств затеряется, в лучшем случае осядет в семейных архивах. А ведь то, что сегодня еще могут рассказать участники минувшей великой войны, никто и никогда рассказать уже не сможет.

Предлагаю создать хранилище для воспоминаний участников войны.

Воспоминания участников войны могут записываться комсомольцами и пионерами не только от руки. Можно использовать магнитофонную ленту. В нашей стране сегодня редко в какой семье у молодых людей нет магнитофона. Магнитофонные записи, на мой взгляд, даже предпочтительнее: они сохраняют непосредственность рассказа, волнение, интонацию, всю лексику военных лет. Словом, они сохраняют время!

Игорь Бондаренко, писатель, участник Великой Отечественной войны.
Ростов-на-Дону.

История одной любви в письмах с фронта

«Я вернусь»

В тот день 19 июня 1941 года сорванцы-мальчишки еще раз написали мелом на дверях подъезда: «Борис+Ира». В этот день Борис и Ира окончили в Златоусте десятилетку. Что дальше? У них все было решено заранее. Борис едет в Ленинградское высшее военно-морское

инженерное училище. Ира остается учиться здесь, на Урале, и будет ждать... До войны оставалось всего три дня.

Военная метель перемела намеченные дороги. Борис Самойлин уже через шесть месяцев окончил Златоустовское военное инженерное училище «ускоренным лейтенантом», ибо не два положенных года, а только этот срок отпустила на учебу война.

Новороссийск, Малая земля, ранения, снова в строй. Фронтная разведка, рейды в тыл врага. Потеря друзей. Ранения. Снова в строй. Путь обычный, ратный. Но где бы ни был, в какие бы обстоятельства ни ставила его жизнь, горела в нем вера в победу над врагом и любовь. Эти и пронизаны письма Бориса Самойлина с фронта на Урал, к Ире. К невесте...

26.07.42 г., Станица С.-Деревянковская. Здравствуй Ира! Захотелось мне поделиться с тобой, рассказать о себе. Дела на фронте, сама знаешь, не радостные. Керчь сдали. Настроение паршивое. И ты, и школьная жизнь теперь так далеки, что невольно думаешь: «Неужели ты тот мальчишка, который любил одну девушку крепко и не осмелился даже ни разу ее поцеловать?» Понимаешь, Ира, становится грустно и смешно. Сiju над этим письмом уже часа два. Напишу несколько слов и задумаюсь, вспоминаю... С приветом, Борис...<1943 г.>...

30.11.44 г. ...Много писать не буду – лежу в госпитале. Тяжело ранен в бедро и грудь осколками. Ранен был утром 28.11.44 г. при взятии одной чехословацкой деревни. Тяжело, конечно. Будет легче – напишу. Крепко целую. Борис.

11.05.45 г. Кисловодск. ... Поздравляю тебя, родная, с Днем Победы. Долгожданным, но наконец наступившим. Дорогая моя, когда получили это известие, мы просто сходили с ума, точно даже не помню, что творилось, – такая была радость. Сейчас получил от тебя телеграмму. Какая ты хорошая!

Мне довелось познакомиться с ними четыре года назад. Борис Михайлович и Ираида Львовна Самойлины приехали в гости в столицу к своему другу. За разговорами, воспоминаниями прошел целый вечер.

Два седых человека. Он и Она. Улыбчивые, по-уральски добродушные и гостеприимные, во взаимоотношениях предупредительные. Какие-то лучистые оба, по-прежнему влюбленные друг в друга. Первая любовь, как в народе утверждают, редко свадьбой кончается. Но тут не так. Развело их военное лихолетье, но сумели, смогли соединить они свои судьбы. Раз и навсегда.

Публикацию подготовил С. Костерин.

Шли по брусчатке в бой. Мария Дмитриевна хорошо помнит ту грозную ночь. Их выстроили перед зданием Музея В. И. Ленина. Она, секретарь партийной организации Ростокинского истребительного батальона, открыла митинг. Митинг был не долгий, а речи совсем короткие. Комиссар зачитал текст клятвы. Батальон выходил на западные рубежи обороны Москвы.

Гулко раздавались шаги по гранитной брусчатке Красной площади, потом шли через Москворецкий мост на Полянку. И дальше в бой. После ранения Мария Дмитриевна получает новое назначение. И уже до конца войны она бессменный редактор газеты «За Родину».

«Наш редактор!» – называли в танковом корпусе гвардии майора М. Д. Овсянникову. И это «наш» вкладывали много теплоты и благодарности. Бойцы часто удивлялись: каким чудом так быстро попадают в газету материалы о боевых действиях? А чудо заключалось в оперативности сотрудников редакции, в постоянной заботе о журналистах командира корпуса генерал-майора Героя Советского Союза В. Буткова. Газетчикам предоставляли любые транспортные средства: мотоциклы, броневилок, чтобы корреспондент мог попасть в далеко прорвавшуюся вперед бригаду и быстро доставить материал в газету. Командование выделяло даже транспортный самолет – летали в Москву за клише и другими материалами.

...И вот собрались ветераны-танкисты у Марии Дмитриевны, чтобы поздравить ее с юбилеем. Много добрых слов было сказано...

– Не считите за громкие слова, но девизом жизни для меня всегда были стихи любимого поэта Маяковского: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо».

Девизу этому Овсянникова осталась верна всю свою жизнь. Если перелистать ее книги «Осуществленные мечты», «Женщина, ее жизнь и стремления», «Глазами старого друга» и многие другие, то видишь, что все они написаны взволновано, призывают защищать мир, который отстаивали такой дорогой ценой.

Л. Соколова. Москва.

Фото Э. Никонova.

Встреча с партизанами. Вчера в Москве состоялась пресс-конференция для советских и зарубежных корреспондентов.

Миллионы людей в нашей стране знают дважды Героя Советского Союза, бывшего командира партизанского соединения, секретаря Черниговского подпольного обкома партии А. Ф. Федорова.

Все дальше в прошлое уходит военное лихолетье. Но разве могут забыть его партизанские радистки Н. Ф. Трушина, Л. Н. Иванова, М. М. Сычева.

Бывшие партизаны ответили на многочисленные вопросы журналистов.

Москва.

Советская Россия, №40, 20 февраля 1985 г.

Гл. 6. МАРШАЛ БАГРАМЯН

«Свой жизненный путь я рассматриваю как закономерный путь гражданина и солдата, чью молодость озарили бессмертные идеи Ленина. Целью моей деятельности и самого моего существования после очищающей грозы Великого Октября было служение Комму-

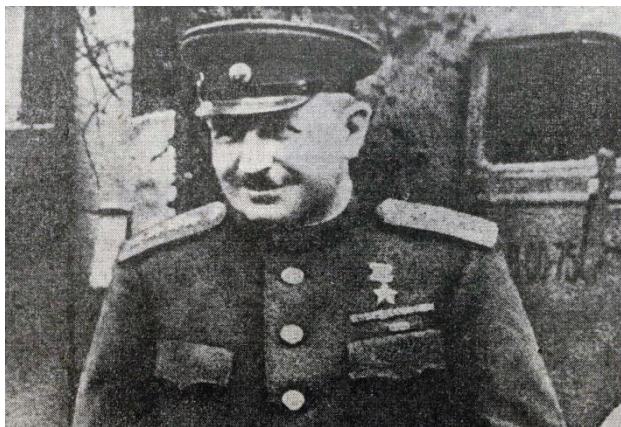
А

нистической партии, социалистическому Отечеству, своему народу. Я безмерно рад, что был частицей той могучей когорты советских людей, которая под руководством ленинской партии избавила человечество от угрозы фашистского порабощения».

И. Баграмян.

Побратимы. Жуков, Рокоссовский, Еременко, Баграмян... Сегодня эти имена знает каждый школьник.

Но все ли знают, что эти прославленные полководцы Великой Отечественной учились военной науке в одной группе? Приведу выдержку из воспоминаний Ивана Христофоровича о маршале Жукове.

НА СНИМКЕ: командующий I Прибалтийским фронтом генерал армии И. Х. Баграмян. 1944 год. (Снимок из архива Центрального музея Вооруженных Сил СССР).

«На кавалерийских курсах усовершенствования комсостава в Ленинграде мы оказались с ним в одной учебной группе, состоявшей преимущественно из командиров полков. Он выделялся среди слушателей группы. А выделиться было не просто: здесь же учились К. К. Рокоссовский, А. И. Еременко...»

Итак, четыре маршала в группе из 25 человек... Иван Христофорович продолжает: «Тогда никто из нас не достиг еще 30-летнего возраста. Молодые, морально и фи-

зически сильные, мы старались перещеголять друг друга в учебе и на конноспортивных состязаниях».

Тогда-то, в 1924–1925 годах, между этими четверьмя во всех отношениях незаурядными командирами возникли отношения большой и верной мужской дружбы – побратимства. В этой дружбе четырех будущих маршалов, как в капле воды, отразились новые коммунистические взаимоотношения между советскими людьми: общность убеждений и идеалов, решимость служить своему народу до последнего вздоха, интернационализм (побратались-то ведь русский, поляк, армянин и украинец) и, наконец, чувство локтя, взаимная поддержка и взаимная выручка. Иван Христофорович, например, всю жизнь с благодарностью помнил, как Г. К. Жуков решительно содействовал ему на жизненном пути. Так, в начале сороковых годов Ивана Христофоровича с преподавательской работы неодолимо тянуло в войска, но молодого способного преподавателя Академии Генерального штаба отпускать не хотели. Помогло вмешательство Г. К. Жукова – командующего Киевским особым военным округом. Вскоре Иван Христофорович стал начальником оперативного отдела штаба этого округа. И командующим 16-й армией в июле 1942 года Баграмян был назначен по рекомендации Георгия Константиновича. В обоих случаях, как понимает читатель, Жуков исходил не только из личных, но прежде всего из государственных интересов, ибо хорошо знал, где больше всего пользы делу обороны Родины принесет его друг. На этой основе и жила дружба этих выдающихся людей, поэтому-то и остались они до последних дней жизни друг для друга Ваней, Костей, Георгием и Андреем.

Свое мнение. При планировании Орловской операции И. Х. Баграмян внес свое предложение в противовес мнению двух командующих фронтами.

Иван Христофорович вспоминал: «...Вскоре нас вызвали в Ставку. Совещанием руководил И. В. Сталин. О

смысле Орловской операции и предложениях командующих фронтами информировал генерал Антонов. Я сидел как на иголках. Сейчас Верховный утвердит план, и он обретет силу закона. Но как оспорить предложения командующих фронтами, уже одобренные Генеральным штабом? Ведь могут превратно истолковать мою настойчивость. Командармом я был тогда довольно молодым.

Тем временем начали свертывать карты. Верховный спросил: «Все согласны с данным решением? Возможно, у кого-нибудь есть иное мнение?» Это была для меня последняя возможность. Я попросил разрешения высказаться. Сталин не без удивления, но доброжелательно посмотрел на меня: «Прошу».

Снова были развернуты карты. Стараясь сдержать волнение, я изложил свою точку зрения. Закончив, оглядел всех, предчувствуя, что сейчас «большая тройка» – два командующих фронтами и заместитель начальника Генштаба – обрушатся на меня. Одну-две минуты царило молчание. Затем слово взял В. Д. Соколовский, потом М. А. Рейтер. Оба старались опровергнуть мои аргументы. Особенно жарко говорил Макс Андреевич. Свою отповедь он закончил словами: «Товарищ Сталин, Баграмян упорно добивается, чтобы ему создали условия, облегчающие решение задачи. Если его послушать, то получается, что нужно не только усилить боевой состав одиннадцатой гвардейской, но еще и поддержать ее действие ударами соседей».

Сталин, до этого внимательно изучавший карту, поднял голову, вынул изо рта трубку, неторопливо разгладил усы. Все смолкли. Рейтер бросил на меня осуждающий взгляд, словно хотел сказать: «Предупреждали же тебя: помалкивай. Не послушался, теперь пеняй на себя». И вдруг Верховный очень тихо и очень спокойно сказал: «А ведь Баграмян дело говорит. И, по-моему, с его предложением нужно согласиться. Что же касается работы командарма о более благоприятных условиях для выполнения

задачи, то это похвально. Ведь на него же ляжет вся ответственность в случае неудачи».

Охотников продолжать спор не нашлось».

Свою задачу 11-я гвардейская под командованием Ивана Христофоровича выполнила блестяще. Добавлю только то, что в боях под Орлом и Брянском эта довольно сильная по своему составу армия, непрерывно наступая, прошла 227 километров, освободила свыше восьмисот населенных пунктов. Последовательными ударами она сломила бешенное сопротивление тринадцати пехотных, семи танковых, двух моторизованных дивизий и многочисленных частей специального назначения.

Особое место в полководческой биографии маршала Баграмяна занимает операция «Багратион», и сказать о ней следует особо. Этой стратегической наступательной операцией предусматривалось разгромить фланговые группировки противника, занимавшие белорусский выступ и сконцентрированные в районах Витебска и Бобруйска, после чего войска 1-го и 3-го Белорусских фронтов должны были окружить минскую группировку гитлеровских войск, взять Минск и освободить Советскую Белоруссию. 23 мая 1944 года Верховный Главнокомандующий собрал ограниченное по составу участников совещание.

Вот как рассказывал об этом совещании в Ставке сам И. Х. Баграмян: «Когда все уселись, Верховный закурил трубку, встал и, медленно прохаживаясь по кабинету, предложил А. И. Антонову доложить замысел и план операции. Изредка он подходил к разложенной на столе карте и пристально всматривался в конфигурацию линии фронта, задерживая внимание на стрелах, обозначавших направления главных ударов фронтов...

— Хорошо, — послышался тихий, глуховатый голос Сталина, склонившегося над картой, когда я первым доложил свое решение. — Только, по-моему, взятый нами участок прорыва великоват.

Выслушав мои объяснения, И. В. Сталин посоветовал мне по возвращении на фронт еще раз вернуться к этому вопросу, проанализировать все на местности и принять окончательное решение.

Во время обсуждения предложений командующих Верховный был не многословен. Он больше слушал, изредка задавал короткие, точно сформулированные вопросы. У него была идеальная память на цифры, фамилии, названия населенных пунктов, меткие выражения. Сталин был предельно собран, на его лице отражалась сосредоточенная строгость, взгляд чуть прищуренных глаз был всегда пристальным и несколько холодноватым...

Очень внимательно Верховный Главнокомандующий выслушал и выступления Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова и А. М. Василевского, высказавших ряд важных соображений по организации наиболее эффективного удара по врагу.

— Ну что ж, ваши предложения вам и надо решительно провести в жизнь, — сказал Сталин и объявил, что Г. К. Жуков и А. М. Василевский назначаются представителями Ставки по координации боевых действий фронтов: первый — 1-го и 2-го Белорусских фронтов, второй — 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского...

Мы уезжали, окрыленные грандиозностью предстоящего наступления, охваченные горячим желанием поскорее начать подготовку войск к великой битве за Белоруссию».

Фронтовые дороги. Обстоятельства сложились столь счастливо, что мне удалось беседовать о боевых делах маршала со многими его боевыми соратниками. Некоторые рассказы мне удалось записать. Вот один из них.

Вспоминает генерал армии Я. Г. Крейзер, 52-я армия которого входила в 1-й Прибалтийский фронт. «31 июля 1944 года я доложил командующему фронтом, что бои за латвийский город Елгаву завершаются. Иван Христофорович, похвалив войска армии за настойчивость и храбрость, сказал, что сам приедет посмотреть на освобожден-

ный город и встретиться с участниками боев. Спустя каких-нибудь полчаса после этого разговора к врагу прибыли сильные подкрепления, и он внезапной контратакой потеснил наши части в ряде кварталов города. Я позвонил на КП фронта, чтобы предупредить о резком изменении обстановки и попросить командующего повременить с приездом, но опоздал: Баграмян с командующим артиллерией фронта генерал-полковником Н. М. Хлебниковым уже выехал к нам. Послав им навстречу взвод автоматчиков и броневик, я выехал на передовой КП на окраине Елгавы. Мои посланцы, к сожалению, не сразу встретили командующего и его спутника, и они попали под минометный обстрел, но проявив настоящую солдатскую выучку, где короткими перебежками, а где и по-пластунски вышли из опасной зоны. Обо всем этом мне доложили, и я опасался нагоняя. И действительно, когда я стал говорить командующему об опасности, которой он себя подвергает, и необходимости вернуться в броневике в безопасную зону, он довольно строго сказал:

– Какая опасность, товарищ командарм, ведь Елгава давно уже в ваших руках.

Я по-уставному стал докладывать об изменении обстановки и в это время увидел, что командующий улыбается. Я не сразу понял, почему командующий обратил заслуженный мною выговор в шутку. Это объяснил мне потом генерал Хлебников. Оказывается, еще до телефонного разговора со мной командующий фронтом получил уже разведсводку от авиаторов о приближении к Елгаве крупных сил врага. Опасаясь, что части армии не устоят, он и решил ехать ко мне, чтобы своим присутствием и советом помочь отбить готовящуюся контратаку». Так закончил свой рассказ генерал Крейзер.

Однако, как оказалось, «приключения» командующего фронтом и его главного артиллерийского помощника Н. М. Хлебникова на этом не закончились. Об этом поведал мне сам Николай Михайлович, большой друг маршалов Баграмяна и Еременко. По их поручению я неоднократно бывал у него на квартире на Садово-Кудринской улице. Когда я как-то для уточнения деталей напомнил ему случай, рассказанный Я. Г. Крейзером, он широко улыбнулся и сказал: сейчас получишь эпилог сей драмы».

Вспоминает генерал Н. М. Хлебников: «Мы возвращались на КП фронта в приподнятом настроении. Наша поездка была трудной, но удачной. При выезде из предместий города мы наткнулись на опущенный шлагбаум. У шлагбаума стоял солдат с забинтованной головой, левая рука его покоилась на перевязи. Увидев двух генералов, он правой рукой стал торопливо поднимать «шлагбаум» – толстый ствол березы. Шофер включил скорость и плавно двинул наш открытый вез-

деход вперед. В этот момент веревка вырвалась из рук солдата, и берега со всей силой обрушились сверху на нашу машину. Хорошо, что удар пришелся между передним и задним сиденьями. Взглянув на побледневшего и морщившегося от боли бойца, мы поняли, что он пытался удержать веревку раненой рукой, и это причинило ему невыносимую боль. Словом, бревно рухнуло со всей силой вниз, и только счастливая случайность спасла нас от гибели или тяжелых травм. Баграмян вышел из машины, подошел к замершему бойцу, положил руку на его плечо:

– Ничего, ничего, товарищ, все в порядке, – успокоил он солдата.

Но настроение наше как-то упало: только что радовались успеху войск, а тут – на тебе – едва голову не размозжило. Однако всегдашний оптимизм взял верх, а тут еще вспомнились строки из стихотворения Пушкина «Дорожные жалобы», и я весело рассмеялся. Иван Христофорович обернулся, вопросительно посмотрел на меня, а я прочел: «Иль чума меня подцепит, иль мороз окостенит, иль мне в лоб шлагбаум влепит непроторный инвалид». Все находившиеся в машине весело рассмеялись, а Баграмян сказал: «Воистину Пушкин – энциклопедия: у него есть стихи, кажется, на все случаи жизни».

После Великой Отечественной войны Центральный Комитет КПСС и правительство Советского Союза назначили И. Х. Баграмяна на пост командующего войсками Прибалтийского военного округа, одного из важнейших пограничных округов нашей Родины.

Почти 10 лет – с мая 1973 года до самой кончины в сентябре 1982 года – маршал Баграмян возглавлял Центральный штаб Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

Когда И. Х. Баграмян был назначен возглавлять Центральный штаб похода, корреспонденты задали ему несколько вопросов, в том числе такой: «Теперь, товарищ маршал, вы, как и во время войны, будете командовать очень большой «армией». Ведь в походе участвуют миллионы и миллионы...».

На это Иван Христофорович сказал: «Да, такой по численности «армией» мне командовать еще не доводи-

лось. Но раз ЦК ВЛКСМ доверил мне этот пост, надо не подкачать...»

Не подкачал он и в другом – в борьбе с фальсификаторами истории Великой Отечественной войны. Помню, как летом 1974 Иван Христофорович вызвал меня и сказал: «Готовьте материалы по Курской битве, особое внимание обратите на иностранные источники, проштудируйте монографию Клинка и сделайте переводы тех мест, где он особенно изощренно подтасовывает факты».

Дело в том, что тем летом французское телевидение организовало дискуссию, посвященную Курской битве. С нашей стороны участвовать в ней должен был маршал Баграмян. Выбор Ивана Христофоровича не был случайным: ведь он был и героем, и крупным исследователем сражений на огненной дуге. Оппонентами И. Х. Баграмяны стали военные деятели и историки из ряда стран Западной Европы и США, в их числе бывший командир полка 78-й штурмовой дивизии вермахта полковник Холлендер и известный западногерманский историк Клинк, автор весьма тенденциозной книги об операции «Цитадель».

В чем состояла суть дискуссии? Как известно, одна из козырных карт фальсификаторов истории – ссылка на стратегическую некомпетентность Гитлера. Но для Курской битвы этот «прием» не годится: тут сделать фюлера козлом отпущения невозможно – с самого начала операция «Цитадель» разрабатывалась всем высшим генералитетом вермахта. Какой же выход нашли апологеты реваншизма? Они стали уверять, что летом 1943 года под Курском велись сражения местного значения, а основные события-де разыгрались в Сицилии. Примерно так поставил вопрос во время дискуссии в студии французского телевидения Эрнст Клинк. Миллионы телезрителей стали свидетелями того, как неопровержимые факты, приведенные И. Х. Баграмяном и его товарищами по делегации, заставили Клинка перейти к глухой обороне, а затем отступать,

1941 «Придет это время – будем наступать!» Прости, родная, за столь долгое молчание. Писать не было никакой возможности. Прямо из эшелона – в бой.

Сейчас я в госпитале, в Ижевске. Со мной ничего особенного не случилось. Ранение не тяжелое... Задержит меня лишь головокружение, которое пока не проходит. Врачи говорят, что через месяц-полтора войду в строй.

...По сравнению с фронтом госпиталь – роскошный санаторий. Кормят хорошо, спи сколько хочешь. А на фронте последние пять суток я не спал и пяти часов в общей сложности. И были дни, когда без крошки хлеба. Отступление – это, мама страшно... Но придет это время – будем наступать. Однако, и обманывать себя нельзя. Боюсь, что этой войны хватит и на долю нашего Юрки. Ведь ему пошел шестнадцатый. Война идет тяжелая и жестокая. Или выстоять, победить, или погибнуть. Другого в этой войне не дано. Ты, мама, просишь сообщить подробности ранения. Ранило меня в атаке. Мы уже были рядом с траншеями фашистов. Успела мелькнуть мысль: «Штыковая!» И – все. Кто меня вынес из огня, я не знаю. Двое суток был без сознания. Пришел в себя во время операции в госпитале, в полевом...

Я совершенно здоров, но врачи – поди переубеди их! – не выписывают. Добиваюсь отправки в армию. Все-таки голова, хоть и контуженная, на плечах, и пользу на фронте я принести способен, хотя чин у меня не велик – сержант. Война идет не на жизнь, а на смерть. Люди себя не щадят, да и как можно щадить себя в такой войне? Политрук нашей роты пошел с бойцами в разведку. Их «засекли», пропустили в свое расположение, а потом отсекли, окружили. Там наши бойцы, семеро, уложили не меньше роты гитлеровцев. Потом была наша контратака, мы про-рвались в расположение противника, к самой высоте, где дрался политрук со своими бойцами, и я своими глазами увидел гору вражеских трупов. Так и стоит перед глазами наш политрук. Вот был человек! Умный, отважный. А было ему, мама, всего двадцать два. Ушел на фронт с третьего курса института. Помнишь, у Чехова: в человеке все должно быть прекрасно. Вот он был таким, даже внешне. Какой-то особенной красоты. Гордость, доброта, воля и ум – все в этом лице. Я бы хотел быть таким, как этот погибший политрук. А были мы с ним рядом только неделю... Встреча с таким человеком дает больше, чем десятки самых умных книг...

Милая мама, когда-то у нас в институте были споры: повторяются ли героические времена гражданской войны? Некоторые доказывали, что люди «мельчают». Я уверен, что в гражданскую войну было меньше трагедий и побед самых необычайных, чем сейчас. Тогда меньше людей участвовало в войне и совсем другим было оружие. Я оказался прав: и в нашей мирной довоенной жизни было героического достаточно, чтобы закалить наших людей.

1942. «Война сильно нас всех изменила...» Думаю ли я о будущем? Да, думаю, мама. После демобилизации сразу должна быть учеба. Все больше мысль склоняется к

университету. Пойти бы на философский факультет! Учиться теперь стану, как черт одержимый, изо всех сил. Наверное, только теперь я понял, какое это счастье – иметь возможность учиться.

...Мама, это письмо пишу тебе с земли, освобожденной нами с боем. Как мы воюем, сообщают газеты. Наша часть сейчас на горячем направлении... Мама, чем больше я узнаю своих товарищей – солдат и офицеров, тем больше преклоняюсь перед их самоотверженностью, терпение, моральными качествами. Мы, русские, не любим громких слов, не любим говорить о любви к России, преданности народу, но все это живет в нас. ...День сегодня трудный, но вот нашлась все-таки минута, чтобы написать тебе, родная. Пишу на опушке леса. Рядом рвутся мины. Фашисты сильно стреляют, готовятся, видимо, к контратаке. Мало мы еще им наломали бока! Враг все еще силен, не отброшен от Волги. И все-таки – мы чувствуем это – он уже надломлен... Присвоили мне звание старшего сержанта. Скоро буду младшим политруком. Представлен командованием.

..Пишу статью для газеты о боевом пути нашей гвардейской части и вот урвал несколько минут, чтобы написать тебе. Пишу под впечатлением только что прочитанной книги Осипова «Суворов». Хорошая книга о замечательном русском человеке. Каков был Суворов, а! Сила русская, мудрость русская и простота русская. Наблюдая за нашими солдатами в самой разнообразной обстановке, в самых тяжелых испытаниях, я не перестаю восхищаться их широтой души, размахом чувств. Драться – так до смерти, кровью своей залить врагов... И рядом с этим удивительная щедрость и доброта.

...Мама, в моей жизни произошло большое событие, наверное, самое большое, которое только может быть в жизни советского человека, солдата. Меня приняли в партию. Порадуйся, родная, вместе со мной и пожелай, чтобы твой сын всегда был достоин звания коммуниста. Фронт проверил меня, я уверен, что найду в себе силы выдержать любое испытание, даже и ценою жизни.

Идут тяжелые бои, могу написать тебе только несколько строк. Сейчас я допрашивал пленных, трех солдат из «СС». Пригодилось вот знание немецкого. Бандиты! Не скрывают даже свое разбойничье нутро. Командир мне сказал после допроса: «А ты ждал другого? Немцы превратились из народа в банду». Народ Гете, Гейне, Маркса, Тельмана... Мы ненавидим фашистов ненавистью лютой. Сто раз готовы погибнуть, чтобы уничтожить их, избавить наш народ от этой дьявольской чумы. Но нельзя позволить ненависти ослепить наше сердце и ум, хотя без ненависти о немцах думать не в состоянии...

Выпал первый снег. Зима для нас время доброе. Скоро погоним немцев, Скоро!

...Фашисты лезут к Волге. Даже здесь, далеко от нее, я не могу спокойно представить себе поганных фрицев, с их тупыми касками и звериными повадками у чистой волжской воды, у той, которая протекает у Саратова – города моего отрочества. Тяжелую борьбу ведет наш народ. Знаешь, мама, чем дольше длится война, тем злее становишься, кажется, уже ничего нет в сердце, кроме ненависти к врагу. И это состояние у всех бойцов нашей армии.

Вот уже и конец октября. Даже на фронте дни бегут быстро. У нас сейчас относительное затишье (стреляем, конечно), а вот на Волге бои идут тяжелейшие. И все-таки мы чувствуем: конец войны ближе.

Работы много в любой обстановке. Я теперь секретарь комсомольской организации. Надо принять молодых солдат в комсомол, дать рекомендацию от комсомольской организации вступающим в партию, поговорить с десятками людей, чтобы знать их настроение. Или пришло письмо от матери убитого в бою нашего комсомольца, просит бойцов отомстить за него, называет их своими сыновьями. Надо прочесть это письмо солдатам и ответить матери павшего в бою. Или раненым написать в госпиталь. Или позаботиться о питании, организовать починку сапог. Приходится заниматься и этим. О боевой работе я не говорю. Сегодня спокойно, а вчера отбили четыре атаки.

Сразу два письма от Юры. Возмущается, что союзники не открывают второй фронт. Рассуждает о судьбе, будущем Германии. Как он вырос!

Да, война сильно нас изменила. Когда я уходил в армию, Нина Лебедь была просто хорошенькой девушкой, а сейчас!.. За эти полтора года поработала и в совхозе, и на строительстве железной дороги. С гордостью сравнивает своих товарищей, себя с Павкой Корчагиным. Разве прошло это бесследно? А наш Юрка каждый день четыре часа работает в мастерской, на станке – для фронта.

А я вот командир Красной Армии, лейтенант. Можешь поздравить меня с присвоением звания... Что у меня? На войне, как на войне... Сегодня ночью был сильный туман, и десятка два фрицев, очевидно, заблудившись, натолкнулись на наши позиции. Увидели мы их, когда они были всего в нескольких метрах... Уничтожили всех. А один совсем мальчишка. В кармане его оказалось письмо, которое он не успел отправить домой. «Скоро мы покончим с Россией и хорошо погуляем...» Погулял! Лежал в снегу. Что ему надо было в России? Погиб в чужих местах, о существовании которых и не подозревал. ...Вчера послал тебе коротенькое письмо, а сегодня ночью мы взяли посе-

лок, за который бой шел сутки, и нам дали отдых. Ни одного целого дома, устроились в подвале, вот пишу... Получил письмо от Тани Фокиной, уже не первое. Почему-то вспомнила о наших спорах и объясняет их так: у нас с нею разные вкусы. По правде говоря, я и сам плохо знаю свои «вкусы». Знаю одно: люблю работать, среди людей и уважаю людей простых, прямых, с доброй душой. В каждом человеке вижу хорошее и верю каждому из-за этого часто получается слишком мягкое отношение к ним. Люблю музыку, но разбираюсь в ней плохо, волнует меня и Чайковский, и Римский-Корсаков, и легкий Штраус, и торжественно-траурный Шопен, и искрящийся Моцарт, и суровый Бах. Из книг читаю все – и это мой порок. Вот пишу тебе о таких вещах отвлеченных, а враг со своей тупой методичностью шлепает снарядами по поселку, метрах в двухстах они рвутся. Я убежден совершенно, что после этой страшной войны в нашей стране произойдет необычайный взлет искусства, литературы. Народ еще горячее потянется к прекрасному. Наверное, только теперь, в огне, я понял истинную ценность книг, музыки.

1943 «Я понял цену верности товарищей...» ...Живу в деревне, среди людей, познавших, что такое немецкое иго. В соседней деревне – школа. Школа старая, памятью связана с детством самых престарелых людей. Наполовину разрушена, но дети учатся. Директор живет в сторожке. Вошел туда – чистенько, аккуратно все так прибрано. На полках книги. Пожилая колхозница растапливает печь. Спрашиваю: здесь живет директор? Из-за занавески звонкий девичий голос: здесь, здесь! Слезает с печи молоденькая девушка, смеется. Лет 20 ей, не более, и она – директор. Ее слова, жесты, улыбка были такими близкими, точно я говорил не с незнакомкой, а с Галей, например. А девушка эта при немцах была в партизанском отряде, разведчик. Ранена, трудно ходит. А глаза такие светлые-светлые.

Смотрел бы и смотрел в ее лицо... Через такое прошла, но ничего в себе не утратила, ни капельки чистоты.

Живу я в доме старика, ему под восемьдесят. Спрашивает меня: ты Бога-то знаешь? Очень обрадовался, когда сказал ему, что мы уважаем веру людей, потому что сами глубоко верим в свое дело, в идею. А сегодня вечером вдруг говорит мне: я много прожил, и прожил честно. И теперь вот думаю, что если бы Бог был, так не испытал бы я столько несчастий. Трое сыновей были и дочь, а один в старости остался... Ты уже знаешь – наш Юрка добровольцем в армию пошел, курсант артиллерийского училища, скоро будет офицером-фронтовиком.

Я теперь в другой части и в другой должности – заместитель командира подразделения по политической части. Надеюсь, что с новой работой справлюсь. Люблю быть с людьми. И артиллерийское дело изучил порядочно. Политработник должен знать военную специальность не хуже командира, иначе авторитета у него не будет. Да ведь и бой этого требует. Не раз уже приходилось работать у орудия...

...Сегодня 7 февраля, и, конечно, ты весь день вспоминаешь своего «Бобушку»: сегодня мне двадцать один год. Хорошо ли, плохо ли прожил я эти годы? Двадцать один – это немало! Плохо одно – мало знаю, мало учился. Не знаю порядочно ни одного языка, не знаю хорошо ни истории, ни литературы, ни математики. Даже военную историю и военное искусство знаю мало для заместителя командира по политической части. Кончится война – буду наверстывать в полную силу. ...Случайно попался журнал с интереснейшей статьей историка о происхождении названия нашего народа – Русь. К сожалению, автора назвать тебе не могу, журнал весь иссечен осколками и без первой страницы... Статья натолкнула на мысль провести

беседы с бойцами об истории нашего народа, России, о национальной гордости, о славных боевых традициях нашего русского народа. Но в войсках воюют люди самых различных национальностей. И я постарался провести мысль вот о чем: Россия, ее традиции – гордость не только русских, но и всех народов и народностей нашей страны.

...После длительного наступления мы теперь в обороне. Спокойная жизнь, если учесть, что солдаты быстро привыкают к разрывам снарядов и мин, спят и под грохот орудий. Наверное, ты представляешь себе нашу жизнь фронтовую, как непрерывный бой. Это не так, особенно в обороне. Вот вчера исполнилось 75 лет со дня рождения Горького. В подразделениях прошли беседы о нем. Я как замполит был на них. Люди на фронте становятся более чувствительными к большим мыслям.

...Сейчас около 4 часов 7 мая. Начало светать, и мы ждем какой-то авантюры со стороны фашистов: что-то они там замышляют, за двумя рядами колючей проволоки и минным полем. Конец войны еще далек, все мы понимаем это, но солдаты все больше думают о будущем. Вчера один пожилой, уже за сорок, меня спрашивает: «А как будет в капиталистических странах после войны? Останутся аль нет капиталисты у власти? Смотри, лейтенант, что получается: рабочие и крестьяне против нас идут. Нет того, чтобы Гитлеру и всей этой сволочи башку свернуть!». А потом, подумав, сказал: «А все-таки немцы, которые люди трудящиеся, должны разобраться что к чему. И они, немцы, поймут!». Я записал этот разговор с солдатом, он, признаться удивил и взволновал меня, заставил задуматься.

Мама, ты помнишь, что говорил папа о молодых, о молодом поколении? Он сказал, что молодые будут образованнее, культурнее старшего поколения, но едва ли бога-

че его духовно. Он говорил об опасности утраты «революционного духа». Так вот: наше поколение отличное! Традиции – дело большое, я понимаю. Понимаю заботу папы о том, чтобы молодые ничего не утратили от поколения революционеров.

...Пишу и слушаю радио, музыку – Прокофьев. Любил я на фронте музыку особенно, хотя и слушать-то ее приходилось редко. Сейчас, кажется, с удовольствием сидел бы и слушал всю ночь. Закончим войну – много будет работы. Война заставила многое, очень многое рассматривать по-новому. Мне, кажется, что послевоенная жизнь, вместе с ее стремлением стать такой же, какой она была до войны, будет далеко другой – неизмеримо богаче, особенно духовно. ...От Юрки еще нет писем. Но ты не беспокойся, будет молодцом наш лейтенант.

...Война научила меня работать по настоящему, ценить работу людей. Я понял цену нашей жизни – тепла очага, верности товарищей, возможности спокойно сидеть за книгой, слушать музыку. А самое главное, в войне я посмотрел на себя. Никогда не писал тебе о боях. Зачем? Случалось так, и не раз, что вражеские танки прорывались к нашим позициям, и мы расстреливали их в упор. Было и так, что танки давили наши орудия. Но все это было потом, когда я уже испытал себя. А вот самый первый настоящий бой... В тот день немцы нас атаковали яростно (тогда я был в пехоте, в стрелковой роте), накатывались плотными цепями, прорывались так близко, что если бы не стрельба, так было бы слышно их запаленное дыхание. Когда фашисты прорывались к нашему рубежу, когда мне казалось, что уже все, не отбить их, я одну гранату с запалом вешал на пояс – для последнего взрыва, для себя. Такое было напряжение нервов, что потом долго бил озноб. А перед вечером нас бросили в контратаку. И случилось мне очу-

титься в самой гуще минометного огня. Я не слышал нашего «ура», бежал в дыму, не видя товарищей, но сознание работало: вперед, вперед! Когда потом признался в этом нашему взводному, бывалому офицеру, из сержантов, он мне сказал: это ты так страх в себе борол. И правда – ноги подкашивались, сердце колотилось у горла, я задыхался, а сознание работало: вперед... Удивительное дело, из той контратаки даже царапины не вынес. А взвода нашего и половины не осталось... Я стал много старше, мама.

...Сейчас ночь, я дежурю по части, вот урвал у ночи минуты, чтобы написать тебе.

Все у меня хорошо, здоров. Вот только одна беда. Ты, мама, знаешь, что с фронта я приехал учиться. Звено политработников, к которому я относился, в армии отменено, так как мы свое дело сделали. Все будем теперь стрелковыми командирами. Получили неплохую подготовку. Я учусь и работаю командиром подразделения. И вот теперь, когда учеба подходит к концу, командование решило оставить меня на постоянную работу в учебном центре. Короче говоря, передо мной перспектива надолго осесть в тылу. Все во мне протестует против этого.

...Все решено: сразу после окончания учебы я еду на фронт. Стало сразу свободнее на душе. Вопреки плохой погоде – третьи сутки моросит нудный дождь – настроение хорошее. И даже горький сон приснившийся сегодня, не огорчил его.

1944 «Жить в полный накал – вот о чем мечтаю...»

Вчера миновали Киев. Смог немного побыть в городе. Крещатик – как человек без лица, ни одного целого здания. Неужели человечество допустит, чтобы когда-нибудь такое повторилось еще? Еду я на тот же фронт, где и Юра, к Рокоссовскому. Может и так случиться, что окажемся рядом. Что у меня нового? Продолжаются бои в Пруссии,

будни войны. Стремимся вперед, кончать надо с фашистами и войной.

Милая мама, я здоров, весел. Еще бы – теперь на земле Пруссии воюем. Сижу сейчас в доме прусака, на горизонте кругом пожары – горит Пруссия, а Красная Армия все дальше и дальше заходит в Германию.

Когда пришли к границам Германии, солдаты наши говорили: ну дадим теперь фашистам, небо им с овчинку покажется, узнают они, что такое разбитые города и села... Но вот мы в Германии. И вид пожаров, разбитых немецких домов не радует. Злорадства в нас нет. Злоба, жестокость не к лицу русскому человеку. Говорят, что мы, русские, народ отходчивый, быстро забываем обиды. Нет, тут все глубже! Такую сильную душу увидел я в солдате... Смог подняться над горем, над ненавистью. А ведь ненависть, казалось, нам всю душу выжгла...

1945 «Идем вперед – и сердце радуется...» ... Не писал тебе только потому, что все эти дни наша часть была в непрерывном движении. Наступаем, гоним фашистов. Сейчас вот пишу тебе в поле, на коленях, подложив книгу, которую нашел на дороге – Шекспир, издание 1903 года. К счастью, почти все здесь ранее мною не читанное: «Антоний и Клеопатра», «Буря», «Цимбелин». Читал и невольно сравнивал качества шекспировских героев с людьми нашего времени, с товарищами по оружию. Знаешь, что я тебе скажу? Если собрать лучшее, что есть в наших людях, создать обобщенный образ, то вышли бы характеры более сильные, возвышенные, благородные, чем все шекспировские короли, лорды, рыцари.

У нас в батарее был один молоденький паренек, сибиряк, тихий такой, что-то даже девчоночье было в нем. В бою случилось так, что его оружие осталось без снарядов и в расчете их оставалось в живых только двое – этот боец Анатолий и командир, который был ранен. А фашистские

танки прорвались. Толя мог укрыться в глубокой траншее и спастись, но не сделал этого. Взял у убитого пехотинца гранаты, они у того на ремне весели, и поднялся против танка. Погиб, но танк он уничтожил.

Моя дорогая мама! Опять пишу тебе лишь два слова – движение вперед, лишь на несколько часов останавливаемся, чтобы передохнуть. Вот сейчас я в немецком доме и могу писать сидя за столом, чернилами, в тепле. За нас с Юркой не беспокойся. Чем быстрее идем к Берлину, тем быстрее наша встреча с тобой! А Юрка сейчас совсем рядом. Не писал тебе всего лишь несколько дней, но за это время произошло столько событий важных. Пишу из глубины Германии. Идем вперед – и сердце радуется. Юрка – я знаю теперь это точно – идет мне навстречу Вот бы нам встретиться! Он награжден вторым орденом...

Сегодня случилось поговорить с англичанами, французами, которых мы освободили из плена. Французы живые и очень веселые парни. А вчера вечером у моста (дорога оказалась забитой машинами и войсками) полчаса провели в чудесной компании – наши солдаты, французы, греки, поляки, американцы и еще черт знает какие люди и из каких стран встретились. Разговаривали о войне. И это был разговор из одних «ол-райт!», «о'кей, рашэн!», «виват!», «бонжур!» и названий столиц всех европейских государств. Американцы крепко жмут руки нашим, греки восторженно щелкают языком, французы – палец вверх и «О». А русский солдат-усач с достоинством отвечает: живите, братцы, с миром, а мы – на Берлин...

Я очень давно не писал тебе, слишком напряженная обстановка. Только вот сегодня вне боя...

Фронт живет одним – быстрым окончанием войны, победой. Говорим о скорой встрече с мамами, невестами,

родным домом. Особенно обостренно чувствуешь сейчас цену жизни. Так хочется жить, сколько впереди прекрасного, прежде всего, родная мама, встреча с тобой. Ты только не подумай, что мы теперь, когда победа близка, расслабились, нет. Неумолимость воинского долга, жесткая дисциплина – все это в нас. А главное, мам, понимание того, что за тебя никто фашистов не добьет.

Из письма лейтенанта В. Ищенко родным Бориса Кровицкого:
...Шли бои по разгрому одной большой группировки врага, которая мешала овладению Берлином. Это были бои такого ожесточения, каких, наверное, наша часть не испытала за всю войну. Гитлеровцы ломались колоннами до 800 человек, лезли на огонь, на смерть. Особенно тяжелый бой приняла шестая батарея, в которой находился Борис. Всю ночь с 29 на 30 апреля кипел бой, батарея отражала одну атаку за другой. Были израсходованы все снаряды и патроны. Перед утром завязалась рукопашная схватка. В конце боя Борис был смертельно ранен. В последние минуты жизни, собрав все силы, Боря призвал бойцов: «Погибнем, но не пропустим врага!» Горстка оставшихся в живых солдат услышала клич парторга, бросилась в контратаку. Враг не прошел...

За бои по разгрому группировки, за мужество и храбрость Борис Григорьевич посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Похоронили мы Бориса со всеми воинскими почестями. Салютом был огонь по врагу всех батарей полка.

Советская Россия, №56, 07 марта 1985 г.

Гл. 9. КОМДИВ РОДИМЦЕВ

Улица его именем. ...Несколько лет назад, после того, как не стало Александра Ильича Родимцева, в Волгограде появилась улица его имени. Но мало кому известно, что в истории города, точнее, в боевой истории Сталинграда, уже была улица с таким названием.

НА СНИМКЕ: генерал-полковник А. И. Родимцев дает автографы участникам обороны Сталинграда. 1973 год. Фото В. Вонога (ТАСС).

Вдоль берега, по всему расположению дивизии, тянулись землянки и блиндажи, пронумерованные, как дома. В них располагались штаб, политотдел, передовой пункт медсанбата. Узкая полоска берега была действительно похожа на улицу. И гвардейцы называли ее «улицей Родимцева». Понятно, что официально это название не утверждалось. Возникло оно стихийно, как дань уважения и любви к своему комдиву... Знал ли генерал об этом? Ни утверждать, ни отрицать не берусь. Но он любил поздним вечером в тихие минуты прогуляться по «своей улице». Отдыхал, обдумывал. Кое-где из приоткрытой двери мелькнет огонек, змейкой взметнется над землянкой или блиндажом сизый дымок самодельной печки. Транссирующие пули светлячками мелькают в вышине и гаснут где-то над Волгой.

«Улица Родимцева» находилась в 200–300 метрах от передовой линии. А враги искали генерала на левом берегу Волги, где располагались тылы дивизии. Как-то там были пойманы диверсанты. Один из них признался: «Мы должны были пробраться к вам в тыл и найти месторасположение штаба 13-й дивизии генерала Родимцева. Наша авиация давно охотится за ним».

— Ну и что же, обнаружили? — спросили диверсанта.

– Нет, не удалось.

Об этом доложили комдиву. Он усмехнулся и сказал: – Не там нас ищут господа фашисты. Сейчас победа решается не на левом, а на правом берегу».

Когда в мирный Сталинград пришли люди, стала оживать «улица Родимцева». Уходя, гвардейцы передали возвращающимся жителям это название, как эстафету. Мне рассказывали, в те дни на одном из блиндажей висела даже табличка: «Улица имени А. Родимцева». Теперь она получила в героическом городе постоянную прописку.

За Волгой места нет. В одну из самых тревожных осенних ночей, когда решалось, быть Сталинграду или не быть, мне удалось попасть на командный пункт дивизии, в так называемую «трубу». Она и сейчас стоит перед глазами. Длинная, узкая, невысокая, с деревянным настилом, под которым журчит вода. Горят самодельные – из артиллерийских гильз – лампы. Свет их колеблется и порой гаснет от духоты, от тяжести воздуха, от близких разрывов снарядов. Безопасность здесь кажущаяся. Бои идут в нескольких сотнях метрах. Сюда летят не только снаряды, но и пули. Могут прорваться и вражеские автоматчики.

Генерал спокоен. Он выслушивает доклады и донесения начальников служб дивизии, связанных офицеров, отдает приказы. То и дело его подзывают к телефону. Но вот Родимцев берет со скамьи автомат, вскидывает его на плечо и в сопровождении адъютанта и нескольких солдат выходит из штольни. Он направляется на командный пункт 34-го полка. Путь туда не легкий, и добраться не так просто. Только поднялись на откос – навстречу пулеметная очередь. «Может, вернуться, зачем рисковать, товарищ генерал?» – закинул словечко адъютант Шевченко.

«Ничего, поползем по-пластунски. Солдатская наука и генералам не вредна», – ответил Родимцев. И, подав команду, генерал пополз вперед. В три часа утра он появился на полковом командном пункте. Сел к столу. Тяже-

ло. Устало. Лицо бледное. Мокрая прядь светло-русых волос прилипла ко лбу. Но настроен весело и не обошелся без своей любимой поговорки: «Шайтан их побери, два раза метров по шестьдесят пришлось проползти. Не давал, вражина подняться».

Когда после войны я напомнил этот случай Родимцеву, он на миг задумался, потом сказал, словно бы вспоминая вслух: «Металла и крови там было много. Так много, что в городе долго трава не росла. Я всегда, когда речь заходит о Сталинградской битве, с гордостью и болью вспоминаю, что пережито там».

Известен такой случай. В самые тревожные и тяжелые для Сталинграда и дивизии дни, когда Волга еще не встала, кто-то из интендантов привел лодку: – обыкновенную рыбацкую, двухвесельную, но крепкую, хорошо просмоленную лодку. Она стояла под бревном и предназначалась генералу. Как говорят, на всякий случай. Узнав об этом, Родимцев рассердился. «Немедленно убрать! – приказал он. – Как это подействует на солдат. И пора бы уже запомнить – за Волгой для нас земли нет!»

Не тогда ли и родились эти знаменитые слова, ставшие клятвой для каждого гвардейца?

Бессмертие. Однажды ветераны-родимцевцы получили неожиданную телеграмму: «Уважаемый товарищ, приглашаем вас принять участие в торжественной сдаче супертраулера «Генерал Родимцев» заводе «Океан». Прибытие в Николаев 7 июля. Телеграфируйте возможность приезда. Дирекция. Партком».

Он стоит у заводского причала. Огромный. Белоснежный. Длина его 111 метров, ширина – 17, вес – 9000 тонн. На высоком борту надпись на русском и английском: «Генерал Родимцев».

Назавтра супертраулер выходил в море. Попутный ветер раздувал полотнище флага. На верхней палубе стоял в почетном строю экипаж могучего судна. Гремела музыка.

Это была незабываемая минута. Мы словно провожали в далекий путь, на новые славные дела нашего комдива.

Из письма генерала Родимцева ветеранам 13-й гвардейской стрелковой дивизии:

24.01.1977 г. Дорогие мои гвардейцы-сталинградцы!

Сердечно поздравляю всех с 34-й годовщиной разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве, где 13-я гвардейская ордена Ленина стрелковая дивизия внесла львиную долю и выдержала самое страшное, что только может выдержать человек.

Я всегда, когда речь идет о Сталинградской битве, вспоминаю с гордостью, что пережито в Сталинграде, и особенно первые дни боевых действий с 15.09 по 25.09.1942 года. А потом нам стало легче, когда вся дивизия перешла в центр города.

Желаю провести на высоком уровне традиционную линейку в школе-интернате № 1. Всему коллективу школы передайте мое поздравление, пусть и для нашей молодежи этот день будет праздником!

Еще раз привет и поздравление гвардейцам и их семьям.

А. Родимцев.

Это было одно из последних писем Александра Ильича соратникам-однополчанам. 8 марта этого года ему исполнилось бы 80 лет.

Ю. Белят,
во время войны фронтовой корреспондент газеты 13-й стрелковой дивизии «На разгром врага».

Советская Россия, №57, 08 марта 1985 г.

Гл. 10. ЖЕНЩИНЫ НА ВОЙНЕ...

Может быть, не вспоминать об этом в светлый день 8 Марта? Но, как сказал поэт, «здесь ни убавить, ни прибавить – так это было на земле»: 800 тысяч советских женщин участвовало в Великой Отечественной. Вдумайтесь: почти миллион юных, красивых, готовых любить и быть любимыми, мечтающих о семье и материнстве надели солдатские шинели, чтобы со всей страной встать на встречу врагу. Думая о них, особенно отчетливо понимаешь всю противоестественность войны. Женщины, чья сущность – милосердие, вынуждены были сбрасывать бомбы, подрывать мосты, смотреть в оптический прицел снайперской винтовки... Во имя жизни, во имя будущих детей, во имя добра и любви. Наш сегодняшний рассказ о пятерых из них – политруке, регулировщице, военном враче, водителе тяжелого танка, летчице.

Но если бы позволили размеры газетной полосы, мы рассказали бы о санитарках и радистках, разведчицах и партизанках, связистках и снайперах... Ибо, наверное, не было в те годы такой военной работы, которую не делали бы наши женщины. Низкий поклон всем вам! Сердечная сыновья благодарность!

Случалось, лучшим лекарством было объяснение в любви

– Только ведь я не герой, орденов Славы у меня нет. И «За отвагу» – тоже. Таких, знаете, сколько было? – сказала она по телефону.

– А дневник? – спросил я. – Вы же вели его?

И вот несколько страничек из дневника сначала студентки мединститута, потом военного врача Евгении Бирюковой.

4 июня 1941 г. Вот и лето... Вернее, ну и лето! Холод, ветер, я еще ни разу не одевала нового платья. Рукава – «фонарики», юбка – «солнцем», поясок... Зачем, спрашивается, шила, для кого?

23 июня 1941 г. Вчера в четыре утра на нас напала Германия! Объявлена мобилизация, все в движении. Бедные мои мальчишечки, – была бы поласковее с вами, чтобы запаслись моей нежностью впрок, чтобы до конца войны хватило, а теперь... Возвращайтесь, вот что говорю теперь! Я буду ждать.

29 июля 1941 г. Письма с перерывами, но идут. Сегодня – от Игоря. Вновь просит подождать: он вернется.

Дорогой мой Игорек, если бы ты знал, что и другие пишут то же. И всем я обещаю! И не вру. Я действительно всех вас очень жду. А вечерами реву.

30 июля 1941 г. Как боялась подумать, как страшилась этого. Мой однокурсник, ровесник мой... Шура. Началось, значит? Был и нету Шурки? Наши локти чашенько соприкасались во время лекций... и нет его?! Живого, улыбчивого, доброго... Будь ты проклята, война! Проклята! Проклята!!!

9 августа 1941 г. Дали общественную работу – агитатором среди больных в госпитале, куда устроилась дежурной медсестрой. И уже вчера провела первое мероприятие: читала (старалась с выражением) заметку в газете про пулеметчика, который совершил героическую вылазку и уничтожил несколько десятков фашистов.

3 февраля 1942 г. Нет, не могу писать... Как это так – убит? Как это так, Игорь?! А твое обещание вернуться? А мое – ждать?... Нет не верю, ты жив, жив! Ты по-прежнему там под Москвой, в обороне... Ты мне еще напишешь, правда? Я жду. Буду ждать!

12 февраля 1942 г. Пропал Юра... Без вести... Да что же это в конце концов? Мальчики мои исчезают...

4 января 1943 г. Наконец письмо от Виктора. Да какое! Во-первых, поздравляет с Новым годом. А во-вторых, просит моей руки. Смешно, ей-богу! Делает предложение, а сам – за тысячи верст. Лишь бы до Победы дошел!

9 августа 1943 г. Все, диплом в кармане! Сегодня приняли присягу, завтра наденем форму.

Наша цель – станция Сомово Воронежской области. Ребята, их, правда не много, как могут ухаживают за нами, веселят. Так что непрерывно – смех, анекдоты, песни... Словно и не на войну собрались.

В Мичуринске ходили в знаменитый фруктовый сад, а потом купались, но уже... под проливным дождем. И было еще веселее. Вообще резвимся, хохочем, как ненор-

мальные, как в последний раз. А может, и на самом деле в последний?

10 сентября 1943 г. Меня направили в Мичуринск в эвакогоспиталь. Работаем с девяти утра до одиннадцати-двенадцати ночи: не хватает врачей. Я ординатор, специализируюсь по челюстно-лицевой хирургии.

30 ноября 1943 г. Сворачиваем госпиталь: фронт отодвигается на запад – и мы за ним. Жаль, конечно, бросать обжитые места, но что наступаем – радует. Я почти физически ощущаю, что юность тонкой, но непрерывной струйкой утекает из меня, выветривается. От детства, от родных мест, от близких и знакомых – все дальше и дальше...

9 мая 1944 г. Дежурство по госпиталю. Каждый раз приступаю к нему с сердечным трепетом. Больные носилочные, беспомощные, а обстановка... Нас-таки нащупали немецкие летчики, и, теперь стало обычным – дребезжание и звон оконных стекол, содрогание стен, обвалы штукатурки. Осталось только в крышу попасть. И не убежишь, не спрячешься: дежурный!

11 июня 1944 г. Сюрприз так сюрприз! В воскресенье во дворе госпиталя установили радиолу, и все услышали полузабытые «Брызги шампанского». Мы с Ольгой сначала ничего не поняли, лишь очумело уставились руг на друга, а потом заскакали, как козы.

Выбежали во двор – а здесь уже танцы. Выздоровливающие с сестрами, с врачами, друг с другом, кто сам с собой...

Но вдруг все смешалось – вой сирен, очереди зениток, а затем, и очень скоро, знакомый свист и сотрясающие мир разрывы.

18 июня 1944 г. В госпиталь пришла в девять, и началось... Надев халат, бегу к самым тяжелым, осматриваю, выслушиваю каждого, при этом держусь бодро, стараюсь сказать что-то утешительное, ласковое или, наобо-

рот, бранюсь, если, скажем, плохо ест или не спит по ночам. А сегодня... объяснилась в любви. Очень молодому с ввалившимися испуганными глазами солдатику, почти наглухо запакованному в гипс. Сколько уж их таких, моих «возлюбленных»! Кто снова воюет, а кто в тылу: списан «вчистую». Они мне, конечно, не спешат верить (да это и не требуется), но, вижу, задумываются, вспоминают что-то. И улыбаются, постепенно оттаивают.

4 августа 1944 г. Вчера, уходя из палаты, услышала за спиной: «Кто эта милая девушка?» – «Какая тебе девушка! Начальник нашего отделения, старший лейтенант Бирюкова Евгения Николаевна».

Вот так, уже и девушкой не имею права быть. Мне бы гордиться званием и должностью, я же чуть не разревелась. Не хочу быть старшим лейтенантом! Евгенией Николаевной! Не хочу быть начальником!

22 января 1945 г. Наши начали наступление 12 января – и уже на другой день жизнь в госпитале преобразилась. Настоящий конвейер! Прием новых, работа в операционной, в отделении, эвакуация, снова прием... Все мы тут закусил губы, почти не разговариваем и работаем, работаем... Как машины! Стоны, брань, крики в операционной, слезы – наш производственный шум, мы его не слышим. Вернее, не допускаем до сердца: не положено, да и только хуже будет.

Лишь иногда устало подумаю: эх, ребятки, ребятки... как хочется, чтобы для каждого все обошлось, чтобы вернулся домой, как ушел, с двумя руками, с двумя ногами, с прежним, не изуродованным, кому-то очень дорогим лицом. С этими мыслями засыпаю на свои «законные» два-три часа...

9 мая 1945 г. Даже не верится! Мы еще спали, как вдруг раздались совсем близко за дверью, выстрелы. Затем крики – и снова пальба. Повскакивали с постелей и, кто в чем, за пистолеты: не иначе немцы прорвались!

ских асов мы с Димой Титаренко и встретились над своим аэродромом.

— Сбил с доставкой на дом,— качали меня боевые друзья после посадки. Фашист приземлился на парашюте рядом с аэродромом. Техники мигом его поймали. На командном пункте мы увидели белобрысого летчика в белой замшевой куртке, измазанной глиной. Гитлеровец с апломбом сообщил, что он сын знаменитого немецкого барона, прибыл с Западного фронта, где сбил восемь англо-американских самолетов.

— А я сын бедняка, ставшего колхозником,— был мой ответ.

— И сбил пятьдесят вражеских самолетов, - добавил командир полка Павел Федорович Чупиков...»

Двое против сорока.

Когда заканчиваешь писать очерк, обычно затрудняешься найти заключительный эпизод. Вернуться ли к началу биографии героя, поведать ли о самом ярком случае из его жизни? Здесь же все получилось закономерно и логично. Последний воздушный бой, который Кожедуб провел над Берлином, вошел в историю истребительной авиации. Его как классический образец изучают сегодня в военных академиях и училищах летчиков. А было так.

Пара Кожедуб - Титаренко подошла к северной окраине Берлина. Прямо по курсу показалось около сорока «фокке-вульфов». Фашисты тоже заметили советских летчиков и открыли огонь. Пара Кожедуба отвернула в сторону. Что делать? Соотношение сил: двое против сорока! Ведь стоит «фокке-вульфам» сбросить бомбы, и они превратятся в истребителей.

— Ну как, Дима? Столкнемся?

— Ударим! — ответил Титаренко.

Кожедуб стремительно атаковал замыкающий самолет. Сбил! И снова атака. Потом мгновенный уход вверх. Но основной костяк боевого порядка врага продолжает по-

лет прежним курсом. Как им помешать? Надо вклиниться во вражескую группу, разогнать ее.

— Держись, Дима,— подбодрил Кожедуб Титаренко.

На огромной скорости пронесли советские асы между вражескими самолетами. Атаки следовали одна за другой. Создавалось впечатление, будто советских самолетов целая группа. Гитлеровцы шарахались из стороны в сторону. Когда они разобрались в обстановке, было уже поздно...

18 августа 1945 года прославленный советский летчик был в третий раз удостоен звания Героя Советского Союза.

На Сивцевом Вражке продолжается мини-интервью с генерал-полковником авиации Иваном Никитовичем Кожедубом.

Вопрос: Летчиком вы стали в Шосткинском аэроклубе и Чугуевском училище. А если бы все сложилось по-другому?

И. Н. Кожедуб: Иная профессия? Наверное, пошел бы в моряки. Как сын Никита, когда его не приняли в училище летчиков из-за каких-то двух-трех десятых единицы зрения. Кстати, он уже капитан третьего ранга, чем Вероника Николаевна, наша мамуля, очень гордится.

— Что вы считаете своим самым большим достижением после 9 мая 1945 года?

И. Н. Кожедуб: Ну и вопросик (смеется). Остался верен небу. Летал, обучал и воспитывал молодежь. Все сорок лет помогал, да и сейчас помогаю — вчера вернулся из командировки — наладить безаварийную летную работу, постоянно совершенствовать учебный процесс.

— Что вы больше всего цените и больше всего презираете, ненавидите?

И. Н. Кожедуб: Ценю в человеке порядочность, честность в большом и малом. Ненавижу предательство, подхалимаж, ловчил любых мастей.

— Ваше любимое занятие в свободное время?

И. Н. Кожедуб: Почитать книгу, повозиться с внуками.

— Как вы представляете человеческое счастье? В чем оно?

И. Н. Кожедуб: В любимой работе, в мире и согласии в семье. Почти сорок лет прожили мы с Вероникой Николаевной, как говорится, душа в душу. А если шире: человеческое счастье - жить под мирным небом на нашей прекрасной земле.

— Что вы будете делать 9 Мая?

И. Н. Кожедуб: Вечерком встречусь с боевыми друзьями. Их в Москве много: Евстигнеев, Чупиков, Башкиров... Вспомним былое, помянем недоживших. И обязательно положим цветы к могиле Неизвестного солдата.

Прощаемся. Как всегда, ухожу из этого дома с чувством гордости. Прекрасно, что есть на земле русской такие богатыри!

Анатолий Хоробрых.

Факты биографии.

Иван Никитович Кожедуб родился 8 июня 1920 года в селе Ображеевка Шосткинского района Сумской области в семье крестьянина-бедняка. После окончания семилетки учился в химико-технологическом техникуме и одновременно осваивал летное дело в Шосткинском аэроклубе Осоавиахима. В Советской армии с 1940 года. Член КПСС с 1943 года. В 1949 году окончил Военно-воздушную Краснознаменную академию, а в 1956 году — Военную академию Генерального штаба. Во время Великой Отечественной войны летчик-инструктор в Чугуевском военно-авиационном училище, с 1943 года в действующей армии — летчик-истребитель, командир звена, эскадрильи, заме-

ститель командира истребительного авиационного полка. Войну закончил в звании гвардии майора. После войны — заместитель командира и командир истребительной авиационной дивизии. Военный летчик 1-го класса. С 1964 года 1-й заместитель командующего авиацией военного округа, летал на сверхзвуковых самолетах и транспортных вертолетах. С 1971 года на руководящей работе в центральном аппарате ВВС. С 1978 года - в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Депутат Верховного Совета СССР 2 - 5-го созывов. Его перу принадлежат книги «Служу Родине» и «Верность Отчизне».

Сражения. Участвовал в Курской битве в битве за Днепр, в освобождении Правобережной Украины, Молдавии, Румынии, Прибалтики, Польши и в Берлинской операции. Сбил 62 вражеских самолета.

Награды. Трижды Герой Советского Союза. Награжден двумя орденами Ленина, семью орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени и многими медалями, а также рядом орденов и медалей стран—участниц Варшавского Договора и других государств. Он — почетный гражданин городов Бельцы, Чугуева, Сум, Калуги, Звенигорода, Купянска, почетный радист СССР.

Слово о боевом друге.

Герой Советского Союза генерал-майор авиации В. Ф. Башкиров:

Мне не довелось воевать рядом с Иваном Никитовичем Кожедубом. Но он, мой инструктор, всегда был со мной рядом. Еще до начала войны он научил меня технике пилотирования, воздушному бою, меткой стрельбе. Во всех восемнадцати победах, одержанных мною над гитлеровскими летчиками, чувствовалась его выучка, его страстная любовь к авиации.

Герой Советского Союза маршал авиации С. И. Руденко:

Кожедуб и Титаренко повернули домой. И вдруг Иван Никитович заметил, что один стервятник из тех, с которыми только что шел бой, продолжает полет к нашим войскам. Заметив нашу пару, он попытался скрыться. Но от Кожедуба уйти трудно. Тот быстро настиг фашиста и в упор расстрелял его. Это был шестьдесят второй сбитый им самолет.

Генерал-лейтенант авиации И. А. Сбытов, командующий первой группой летчиков-реактивщиков:

До войны в нашей авиации был великий летчик Валерий Чкалов. Так вот Иван Кожедуб и Александр Покрышкин стали такими же в условиях военного времени. Все трое из одной когорты. Блестяще- переучивание происходило на моих глазах - Иван Никитович освоил реактивную технику.

Советская Россия, №98, 28 апреля 1985 г.

Гл. 18. СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ

В письмах, приходящих в редакцию накануне 40-летия Победы, содержатся многочисленные просьбы читателей рассказать о Ставке Верховного Главнокомандования. Сделать это непросто. Время неумолимо, и многих из тех, кто был тесно связан с деятельностью этого высшего органа стратегического руководства военными действиями, уже нет в живых, а протоколы заседаний Ставки не велись. К счастью, в наследство подрастающим поколениям остались воспоминания некоторых членов Ставки и полководцев Великой Отечественной. Отрывки из них и были использованы при подготовке этой полосы. Выстраивая их в определенной последовательности, мы шли от вопросов читателей.

Когда была создана Ставка Верховного Главнокомандования? Кто в нее входил?

Г. К. Жуков, А. М. Василевский: Высший орган стратегического руководства Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне был образован 23 июня 1941 года и получил название «Ставка Главного Командо-

вания». 10 июля 1941 г. преобразован в Ставку Верховного Главнокомандования. Состав Ставки дважды менялся. В разное время в нее входили видные политические, государственные деятели и военачальники Л. И. Антонов, С. М. Буденный, А. М. Василевский, К. Е. Ворошилов, Г. К. Жуков (был постоянно), Н. Г. Кузнецов, С. К. Тимошенко, В. М. Шапошников... Все четыре года работу Ставки возглавлял Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Всю свою деятельность Ставка Верховного Главнокомандования осуществляла под руководством Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны.

Где и как происходили заседания Ставки Верховного Главнокомандования?

Г. К. Жуков: «На протяжении всей войны Ставка находилась в Москве. Это имело большое моральное значение. В связи с угрозой вражеских ударов с воздуха, в начале июля, из Кремля она была переведена в район Кировских ворот в небольшой особняк с надежным рабочим помещением и связью, а через месяц поблизости, на перроне станции метро Кировская, расположились и операторы Генерального штаба — рабочего органа Ставки.

На заседаниях, которые проходили в любое время суток, обсуждались и решались важнейшие вопросы. Планы военных действий рассматривались Политбюро Центрального Комитета партии и Государственным Комитетом Обороны. На заседания приглашались народные комиссары, которым предстояло принять участие в обеспечении операций.

Очень часто на заседаниях вспыхивали острые споры, при этом мнения высказывались определенно и резко. Если к единому мнению не приходили, тут же создавалась комиссия из представителей разных сторон, которой и поручалось доложить согласованные предложения на следующем заседании.

Всего за время войны Государственный Комитет Обороны принял около десяти тысяч решений постановлений военного и хозяйственного характера. Эти постановления и распоряжения строго и энергично исполнялись, вокруг них закипала работа, обеспечивающая проведение в жизнь единой партийной линии в руководстве страной в то трудное и тяжелое время».

А. М. Василевский: «Хочу несколько подробнее остановиться на работе Ставки. Это намерение вызвано многочисленными просьбами, высказанными авторами писем ко мне... Некоторые товарищи настойчиво просят у меня снимки хотя бы одного из заседаний Ставки. Мой ответ, что таких снимков вообще не существует, что их не было, вызывает недоумение.

Итак, была ли Ставка постоянно действующим органом при Верховном Главнокомандующем? Да. Была. Но при этом надо представить себе, что работа ее строилась по-особому. Верховный Главнокомандующий для выработки того или иного оперативно-стратегического решения или для рассмотрения других важных проблем, касающихся ведения вооруженной борьбы, вызывал к себе ответственных лиц, имевших непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу (тут могли быть члены и не члены Ставки), и здесь принимались необходимые решения, которые сейчас же оформлялись в виде директив, приказов или отдельных распоряжений Ставки. Понимать под Ставкой орган, постоянно заседавший в буквальном смысле слова при Верховном Главнокомандующем в том составе, в каком он был утвержден, нельзя. Ведь большинство из ее членов выполняли одновременно ответственные обязанности, часто находились далеко за пределами Москвы, главным образом, на фронте. Но вот что было постоянно: каждый из членов Ставки держал с Верховным Главнокомандующим связь... У Верховного Главнокомандующего

не существовало особого рабочего кабинета. Кабинет Генсека ЦК партии являлся и кабинетом Ставки...».

С. М. Штеменко: «В левой части кабинета со сводчатым потолком и обшитыми светлым дубом стенами стоял длинный, прямоугольный стол. На нем мы развешивали карты и по ним докладывали за каждый фронт в отдельности, начиная с того, где в данный момент происходили главные события. Никакими предварительными записями не пользовались. Обстановку знали на память, и она была отражена на карте...

Кроме Верховного Главнокомандующего, на докладах, как правило, присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б) и члены Ставки. При необходимости вызывались командующий артиллерией И. Н. Воронов, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Я. И. Федоренко, командующий ВВС А. А. Новиков, начальник инженерных войск М. П. Воробьев, начальник Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлев, начальник тыла Советской Армии А. В. Хрулев и другие. Они докладывали и давали справки по своим специальным вопросам.

Члены Политбюро садились обычно вдоль стола у стены, лицом к нам, военным, и к большим портретам Суворова и Кутузова, висевшим на противоположной стороне кабинета. Затем докладывались проекты директив, которые надо было отдать войскам. Директивы Ставки подписывали Верховный Главнокомандующий и его заместитель или начальник Генерального штаба, а когда в Москве не было ни Г. К. Жукова, ни А. М. Василевского, вторым подписывался А. И. Антонов...».

Авиаконструктор А. С. Яковлев: «Вместе с военными в работе Ставки и Государственного Комитета Оборона активнейшее участие принимали руководители оборонных отраслей промышленности: Борис Львович Ванников, Дмитрий Федорович Устинов, Вячеслав Александрович

Малышев, Иван Федорович Тевосян, Михаил Васильевич Хруничев и другие... На протяжении войны их часто можно было встретить в кремлевском кабинете Сталина, который имел с ними повседневный личный контакт и был в курсе работы каждого».

Как вырабатывались решения по тем или иным стратегическим вопросам?

Г. К. Жуков: «Известно, что всякое планирование беспочвенно, если оно не опирается на научное предвидение возможного хода операций... Ставка Верховного Главнокомандования видела дальше и лучше, чем гитлеровское стратегическое руководство... Наша Ставка отчетливо представляла себе вероятные действия немецко-фашистского командования, принимала меры, чтобы разрушить его намерения и добиться своей цели...

Конечно, деятельность Ставки не могла замыкаться в рамках руководства лишь главными операциями Вооруженных Сил. Война требовала твердой руки Верховного Главнокомандования на всем стратегическом фронте — на суше, на воде и в воздухе, а силы, действовавшие в основных операциях, нуждались в поддержке взаимодействующих с ними войск на второстепенных направлениях. Например, при завершении Сталинградской контрнаступательной операции был подготовлен и проведен ряд наступательных операций и на других фронтах. Так было на юге нашей страны, на Западном и Калининском фронтах в конце 1942 — начало 1943 года. Так было и при прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года».

А. М. Василевский: «Как правило, предварительная наброска стратегического решения и плана его осуществления вырабатывались у Верховного Главнокомандующего в узком кругу лиц. Обычно это были некоторые из членов Политбюро ЦК и ГКО, а из военных — заместитель Верховного Главнокомандующего, начальник Генерального штаба и его первый заместитель. Нередко эта работа тре-

бовала нескольких суток... В результате всестороннего обсуждения принималось решение, и утверждался план его проведения, отрабатывались соответствующие директивы фронтам, и назначался день встречи в Ставке с командующими фронтами, привлекаемыми к реализации намеченных операций.

На этой встрече происходило окончательное уточнение плана, устанавливались сроки проведения операции, подписывалась директива Ставки, отправляемая фронтам. Теперь наступал самый ответственный период — подготовка войск к осуществлению задуманного плана и обеспечения их всем необходимым для этого в установленные сроки».

Маршал артиллерии Н. Д. Яковлев: «Обычно те или иные дела разбирались путем обмена мнениями. Постановления Государственного Комитета Обороны, как, видимо, и представления в ГКО, должны были быть всегда лаконичными, краткими, ясно излагать суть вопроса или решения. Иногда проект постановления писался под диктовку Сталина тут же, в кабинете... После написания постановления оно тут же набело перепечатывалось в машбюро. И после подписи без промедления доставлялось фельдъегерями заинтересованным лицам. Словом, оперативность в этом вопросе была на высоте».

Какими были взаимоотношения Ставки с командующими войсками фронтов?

И. С. Конев: «Скажу о практике составления планов и директив, которая сложилась в Ставке. Как правило, командующий фронтом не только докладывал свой план, свои соображения по карте, но со своим штабом готовил и проект директив Ставки.

Исходя из общего стратегического замысла Верховного Главнокомандования, командование фронта полностью планировало операцию во всех аспектах, связанных с ее проведением, особо выделяя при этом вопросы, которые

выходили за пределы компетенции фронта и были связаны с необходимой помощью фронту со стороны Ставки Верховного Главнокомандования.

Командующие войсками фронтов на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Сидят: И. С. Конев, А. М. Василевский, Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, К. А. Мерецков. Стоят: Ф. И. Толбухин, Р. Я. Малиновский, Л. А. Говоров, А. Н. Еременко, И. Х. Баграмян. Фото 1945 года.

Одновременно готовился и проект директив, в своем первоначальном виде отражающий взгляды самого фронта на проведение предстоящей операции и предполагавшей, что фронтом будет получена от Верховного Главнокомандования соответствующая помощь. Количество и характер исправлений и дополнений, вносимых в такой проект директив, зависел от того, как происходило в Ставке обсуждение предложений фронта и насколько близки они были к окончательному решению.

Этот выработавшийся в ходе войны метод планирования, как тогда, так и сейчас, представляется мне разумным и плодотворным».

И. Х. Баграмян: «В течение всей зимы 1944 года войска 1-го Прибалтийского фронта непрерывно наносили удары по врагу. В конце концов, их наступательные возможности иссякли. Передышка стала необходимой не только для подготовки к новому наступлению, которое мы надеялись осуществить летом 1944 года, но и потому, что весна была в разгаре. Вот почему в марте, когда мы проводили очередную наступательную операцию против витеб-

ской группировки врага, я решил просить у Ставки разрешения на переход к обороне. Но надо было заручиться поддержкой соседа — командующего Западным фронтом генерала В. Д. Соколовского, войска которого тоже участвовали в наступлении. Вызвав его по прямому проводу, я предложил совместно позвонить Сталину. Василий Данилович, согласившись, что войскам необходима передышка, обращаться к Сталину не советовал: в Москве, мол, не хуже нас знают обстановку на фронтах.

Когда я все-таки позвонил в Ставку, Верховный, как всегда, внимательно, не перебивая, выслушал доклад об обстановке и доводы в пользу прекращения наступления, потом, после минутного молчания, спросил: — А что думают на этот счет на Западном фронте?

Я сообщил о мнении генерала Соколовского, считающего, что Ставка и без нашей просьбы придет к такому же решению.

— Хорошо, подумаем,— заключил И. В. Сталин и попрощался.

2 апреля из Генштаба сообщили, что подписана директива о переходе всех войск 1-го Прибалтийского фронта к обороне...

Каким был стиль работы Ставки Верховного Главнокомандования? Как складывался рабочий день членов Ставки?

Г. К. Жуков: «В ходе войны Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство уделяли большое внимание руководству Вооруженными Силами. За годы войны состоялось более 200 заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), Оргбюро и Секретариата Центрального Комитета партии. Принятые решения по вопросам внешней политики, экономики и стратегии проводились в жизнь соответственно через Президиум Верховного Совета СССР, Совнарком, ГКО или Ставку Верховного Главнокомандования».

А. М. Василевский: «Составной частью стиля работы И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего являлась его высокая требовательность. Причем она была не только суровой, что, собственно, оправданно, особенно в условиях войны. Он никогда не прощал нечеткости в работе, неумения довести дело до конца, пусть даже это допустит и очень нужный и не имевший до того ни одного замечания товарищ».

Г. К. Жуков: «Распорядок дня И. В. Сталина был несколько необычный. Работал он главным образом в вечернее и ночное время. Приспосабливаясь к распорядку дня И. В. Сталина, до поздней ночи работали ЦК партии, Совет народных комиссаров, наркоматы и основные государственные и планирующие органы. Это сильно изматывало людей».

С. М. Штеменко: «И. В. Сталин установил порядок круглосуточной работы Генштаба и лично регламентировал время его руководящего состава. Например, заместителю начальника Генштаба, на пост которого в декабре 1942 года прибыл А. И. Антонов, полагалось находиться при исполнении своих обязанностей по 17–18 часов в сутки. А мне, занимавшему с мая 1943 года должность начальника Оперативного управления, отдыхать разрешалось с 14 до 18–19 часов. Точно так же были расписаны часы работы и отдыха для всех других руководящих работников.

Доклады Верховному Главнокомандующему делались, как правило, три раза в сутки. Первый из них имел место в 10–11 часов дня, обычно по телефону. Это выпадало на мою долю. Вечером, часов в 16–17, докладывал заместитель начальника Генштаба. А ночью мы ехали в Ставку с итоговым докладом за сутки».

А. М. Василевский: «Доклады приходилось делать очень быстро. В них говорилось не только о положении на фронтах, но давалась оценка их действий, вносились предложения, докладывались просьбы Военных советов фрон-

тов и предложения Генштаба. Протоколов этих заседаний никогда не велось. Но по обсуждаемым вопросам, если требовалось, тут же готовились решения, причем оформлялись они в зависимости от содержания рассматриваемого вопроса, постановлением ЦК партии или ГКО, директивами Ставки Верховного Главнокомандующего...»,

Были ли в Ставке Верховного Главнокомандования разногласия при решении стратегических вопросов?

Н. Г. Кузнецов: «В конце февраля 1943 года я узнал, что в районе Новороссийска предложено высадить новый крупный десант. По замыслу операция предполагалась громадная. Но для переброски такого большого числа войск и техники нам не хватало средств... Вернувшись в Москву, я доложил свое мнение Ставке. Сталин не согласился с моим мнением. По его распоряжению под Новороссийск выехала специальная группа во главе с Г. К. Жуковым, чтобы на месте уточнить положение дел...

Г. К. Жуков, оценив сложившуюся обстановку, согласился с нами, что высаживать сейчас новый крупный десант на Малую землю нецелесообразно. При мне он по телефону доложил это мнение в Ставку. Москва согласилась».

А. М. Василевский: «Поворотной вехой глубокой перестройки Сталина как Верховного Главнокомандующего явился сентябрь 1942 года, когда создалась очень тревожная обстановка и особенно потребовалось гибкое и квалифицированное руководство военными действиями. Именно в это время он стал по-другому относиться к аппарату Генштаба, командующим фронтами... опираться на коллективный опыт военачальников. От него с той поры нередко можно было услышать слова: «Черт возьми, что же вы не сказали!»

В годы войны существовал институт представителей Ставки Верховного Главнокомандования на фронтах. Какими были их обязанности?

Г. К. Жуков: «Кого посылала Ставка в качестве своих основных представителей в действующую армию? Прежде всего, членов Ставки, в том числе К. Е. Ворошилова, Г. К. Жукова, С. К. Тимошенко. Постоянным представителем Ставки в войсках являлся начальник Генерального штаба А. М. Василевский. Кроме основных представителей Ставки, в войска направлялись генералы Н. Н. Воронов, А. И. Антонов, С. М. Штеменко и другие.

Помимо полномочных представителей, которые непосредственно на местах проводили в жизнь решения Ставки по той или иной операции, направлялись специальные уполномоченные.

Лично мне за годы войны пришлось выезжать в действующую армию в качестве представителя Ставки не менее 15 раз. Так же много бывал на фронтах и Александр Михайлович Василевский. Нам не раз приходилось выезжать в район военных действий и участвовать в разработке и проведении многих крупных операций, как Сталинградская битва, битва на Курской дуге, наступление на Правобережной Украине и освобождение Белоруссии.

Представители Ставки не командовали фронтами. Эта функция оставалась в руках командующих. Но, наделенные большими полномочиями, они могли влиять на ход сражений, в районе которых находились, вовремя исправлять ошибки фронтового или армейского командования, конкретно помочь им в получении материально-технических средств из центра. Я не помню случая невыполнения рекомендации представителя Ставки...»

С. М. Штеменко: «Наиболее часто Ставку представляли на местах заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков и начальник Генерального штаба А. М. Василевский. Некоторые из тогдашних командую-

щих фронтами позже утверждали, что постоянное пребывание рядом с ними Жукова или Василевского создавало трудности в руководстве войсками... Но в целом, нам думается, деятельность представителей Ставки себя оправдала. Обстановка требовала присутствия на фронтах лиц, которые обладали бы опытом и властью, позволяющими быстро решать важнейшие вопросы, нередко выходившие за рамки компетенции командующего фронтом».

А. И. Еременко: «1 августа 1943 года в 2 часа ночи, когда, как обычно, подводились итоги боевого дня, раздался телефонный звонок. В это время я находился на командном пункте 39-й армии в 35 км северо-восточнее Духовщины. Взяв трубку, я услышал голос Сталина...

В конце разговора он сообщил мне о своем намерении 5 августа приехать на Калининский фронт. Местом встречи он назначил с. Хорошево подо Ржевом, восточнее командного пункта Калининского фронта...

Мы подъехали к небольшому двору, в центре которого стоял домик с карнизами, украшенными резьбой. Миновав крошечные сени и комнату с русской печью, я вошел в горницу и доложил Верховному Главнокомандующему о своем прибытии и коротко о ходе боевых действий войск фронта...

Выслушав мои ответы, Верховный Главнокомандующий повел речь об общих вопросах военнополитического характера. Затем И. В. Сталин подошел к карте Духовщинско-Смоленской операции, прикрепленной к стене, и сказал: «Докладывайте, как вы спланировали боевые действия». Я охарактеризовал операционное направление и состояние обороны противника перед Калининским фронтом, а затем подробно остановился на соотношении сторон и возможностях фронта...

Беседа закончилась, я собрал документы, и все вышли на улицу. Машины стояли тут же, и мы поехали на железнодорожную станцию Мелехово. Поезд, на котором

приехал Верховный Главнокомандующий, состоял из нескольких товарных вагонов и платформ и одного салон-вагона, камуфлированного под основной состав...»

Что обеспечило высокую эффективность решений Ставки?

Г. К. Жуков: «Ставка Верховного Главнокомандования была коллективным органом руководства военными действиями Вооруженных Сил. В основе ее лежало разумное сочетание коллегиальности с единоначалием...».

А. М. Василевский: «Незыблемым оставалось одно: при выработке стратегических планов и при решении крупнейших экономических проблем Политбюро ЦК партии, руководство Вооруженными Силами всегда опирались на коллективный разум».

К. К. Рокоссовский: «В сражениях крепла и мужала наша армия. Вырастали кадры замечательных командиров и политработников. Совершенствовалось тактическое, оперативное и стратегическое руководство Вооруженными Силами. В годы грозной опасности, нависшей над нашей Родиной, весь советский народ еще теснее сплотился вокруг Коммунистической партии и Советского правительства. Доблесть фронтовиков подкреплялась и вдохновлялась трудовой доблестью рабочих и колхозников, интеллигенции, наших героических женщин, молодежи. Это они, миллионы неутомимых тружеников, ковали оружие для фронта, кормили и одевали солдата, согревали своей заботой, теплом своих сердец».

И. С. Конев: «От первых неудач начального периода войны к полной капитуляции побежденного врага, гитлеровской Германии, — таков великий путь нашей армии в минувшей войне. Это ли не выдающийся исторический пример! Вот что значат великие идеи коммунизма, воплотившиеся в могучем социалистическом строе Советского государства».

Публикацию подготовил Анатолий Хоробрых.

Основные стратегические операции Красной Армии

В годы Великой Отечественной войны Красная Армия провела более 50 операций групп фронтов и около 250 фронтовых. Каждая из них отличалась оригинальностью замысла, четкостью и точностью выполнения директив и распоряжений Ставки Верховного Главнокомандования.

1941. Вооруженная борьба на советско-германском фронте. 22.6 - 4.12.41. Несмотря на героическое сопротивление войска прикрытия не смогли задержать противника в приграничной зоне на всех стратегических направлениях. Но врагу был нанесен огромный урон, сорваны планы «блицкрига» — молниеносного разгрома СССР.

1941—1942. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. 5.12.41 - 20.4.42. В ходе Калининской, Клинско-Солнечногорской, Тульской, Калужской, Елецкой, Торопецко-Холмской, Ржевско-Вяземской и Болоховской операций советские войска нанесли тяжелое поражение врагу и отбросили его на 150— 400 км. Стратегическая инициатива перешла к Красной Армии. Теория «молниеносной войны» потерпела полный и окончательный крах.

1942—1943. Сталинградская битва, контрнаступление. 19.11.42 - 2.2.43. Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов 23 ноября закончили окружение 330-тысячной группировки врага. Затем были проведены Котельниковская и Среднедонская операции. Окруженную группировку ликвидировали войска Донского фронта. Было взято в плен свыше 91 тысячи человек и уничтожено в ходе наступления около 140 тысяч. Сталинградская битва внесла решающий вклад в достижение коренного перелома в ходе войны. Стратегическая инициатива окончательно перешла к Советскому Верховному Главнокомандованию.

1943. Освобождение Северного Кавказа. 1.1 - 9.10.43. Проводилось в тесном взаимодействии со Сталинградской наступательной операцией. Советские войска нанесли тяжелое поражение немецко-фашистской группе

«А» и вышли на подступы к Ростову-на-Дону, к Таганрогскому заливу у Ейска, северо-восточнее Краснодара, на рубеж реки Кубани.

Курская битва. 5.7 - 23.8.43. Проведена с целью сорвать наступление немецко-фашистских войск в районе Курского выступа со стороны Орла и Белгорода. В районе Прохоровки, где 12 июля произошло самое крупное встречное танковое сражение второй мировой войны, противник потерял 400 танков и более 10 тысяч человек убитыми. Враг был измотан и обескровлен. Создались условия для перехода советских войск в контрнаступление. Проведены Орловская и Белгородско-Харьковская операции. Гитлеровцы потеряли около 500 тысяч человек, 1,5 тысячи танков, свыше 3,7 тысячи самолетов, 3 тысячи орудий. Эта битва и выход советских войск к Днепру завершили коренной перелом в ходе войны. Первый салют в Москве в честь освобождения Орла и Белгорода.

Битва за Днепр. 24.8-23.12.43. Были проведены Донбасская, Днепровская воздушно-десантная. Киевская наступательная и Киевская оборонительная, Мелитопольская операции. В ходе битвы за Днепр рухнул вражеский стратегический оборонительный рубеж «Восточный вал», советские войска разгромили группировки противника на Левобережной Украине и в Донбассе, захватили стратегические плацдармы на Днепре.

1944. Белорусская операция. Освобождение Восточной Польши. 23.6 - 14.9.44. Разбив наголову врага под Витебском, Могилевом и Бобруйском, советские войска окружили и уничтожили более 20 немецких дивизий восточнее Минска. Сам противник оценил эти события как катастрофу немецких войск в операции «Багратион». Кратчайшие пути в Германию были открыты. Началось освобождение Польши. Форсирована Висла. Захвачены три крупных плацдарма в районе Сандомира, Могнушева и

Пулавы. Теперь советские фронты получили благоприятные условия для развития решающего удара — на Берлин.

1944—1945. Освобождение Румынии, Болгарии, Венгрии. 20.8.44 - 11.5.45. Ясско-Кишиневская операция завершилась ликвидацией около 22 вражеских дивизий и выходом наших войск в центральные районы Румынии, вступлением их в Болгарию. Обе страны объявили войну фашистской Германии. Скоро Германия лишилась своего последнего союзника — Венгрии. Красная Армия оказала помощь Югославии в освобождении Белграда.

1945. Висло-одерская операция. Завершение освобождения Польши. 12.1 - 3.2.45. Одна из крупнейших в Великой Отечественной и второй мировой войнах. Было уничтожено 35 немецко-фашистских дивизий, а 25 потеряли от 50 до 70 процентов своего состава. В плен взято 147,7 тысячи человек, захвачено около 14 тысяч орудий и минометов, до 1,4 тысячи танков и штурмовых орудий. Советские войска освободили Польшу и столицу Варшаву и вышли на территорию Германии. Эта операция помогла англо-американским войскам, терпевшим поражение в Арденнах.

Берлинская операция. 16.4 - 2.5.45. Завершилась взятием советскими войсками столицы третьего рейха и встречей на Эльбе с войсками союзников. В ходе операции советские войска разгромили 70 пехотных, 23 танковые и механизированные дивизии. За время боев они взяли в плен 480 тысяч человек, захватили свыше 1500 танков и штурмовых орудий, 4500 самолетов и другую технику. В ночь на 9 мая представители германского верховного командования подписали в Карлсхорсте Акт о безоговорочной капитуляции вооруженных сил фашистской Германии. Война в Европе, навязанная ударными силами международного империализма, завершилась полной победой Красной Армии, войск антигитлеровской коалиции и сил Сопротивления европейских стран.

Освобождение Чехословакии. 1.1-11.5.45. Завершилось Пражской наступательной операцией, последней операцией в войне против фашистской Германии, Глубокий и быстрый маневр танковых армий на окружение основных сил противника привел к тому, что около 880 тысяч вражеских солдат и офицеров было взято в плен. Советская Армия выполнила свой интернациональный долг.

Разгром Квантунской армии Японии. Освобождение Северо-Восточного Китая и Северной Кореи. 9.8. - 2.9.45. Победа над милитаристской Японией поставила точку во второй мировой войне.

Советская Россия, №119, 24 мая 1985 г.

Гл. 19. ГЕНЕРАЛ ЧЕРНЯХОВСКИЙ

«Прошу об одном». Пишущий эти строки встретился с генерал-лейтенантом И. Д. Черняховским в начале сентября 1943 года. Он уже год командовал 60-й армией, которая освободила Воронеж и Курск, а сейчас открыла на Центральном фронте Киевское направление.

Иван Данилович принял меня в небольшой украинской хате. Недавно ему исполнилось 37 лет. Стройный, красивый, он с первого взгляда казался очень сильным и волевым. Интеллигентное лицо, в котором не просматривались, а скорее угадывались самобытные черты потомков воинов Запорожской Сечи. На груди – три ордена Красного Знамени, орден Суворова I степени.

Иван Данилович свободно говорил, не заглядывая в бумаги, называл факты, фамилии, цифры, даты. Сильный голос уверенного человека. Но заметно и волнение. Оно понятно. Предмет разговора не может не волновать. Красная Армия вступила на его родную Украину. Сидит он в украинской хате. Над ним маленькое зеркало, украшенное вышитым рушником.

— Сколько дней и ночей я думал об Украине, о Киеве. И вот мы — здесь! Очень счастлив, товарищи, очень!

Опасаясь переброски армии на другой участок фронта, Черняховский посылает в адрес командования телеграмму: «За два года я никогда и ничего не просил. Сейчас прошу об одном — дать мне направление на Киев». Ответил Рокоссовский по телефону: — Все зависит от тебя самого. Украина — рукой подать. Киев тоже близко. Сумеешь добиться успеха — поможем. В общем, открывай Киевское направление.

И Черняховский его «открыл».

«Легко будет отчитываться перед Родиной тому воину, кто до конца выполнил свой долг. И трудно будет держать ответ тому, кто искал себе легкое место, кто в бою с врагом не был смелым и решительным».

И. Черняховский.

Рядом с солдатом. Помню, как однажды И. Д. Черняховский выступал на митинге танкистов с речью. Речь была такой горячей и душевной, что взволнованные солдаты, нарушив все воинские уставы, начали качать своего командующего на руках.

При встречах с нами Иван Данилович неизменно просил корреспондентов обязательно отметить доблесть и мужество солдат, многих из которых он помнил по именам.

— Сержанта Турушканова знаете?— спросил он как-то меня. — Одну минуту — сейчас я вас познакомлю.

Через несколько минут входит сержант, на груди которого блестит новенький орден Красного Знамени. Сержант ростом еще выше Черняховского.

— Познакомьтесь, наш богатырь — Степан Федорович Турушканов. Под Глуховом командовал взводом автоматчиков. Захватил железнодорожный разъезд с двумя немецкими эшелонами. Взвод уничтожил в бою более сорока гитлеровцев. Турушканов лично взял в плен оберлейтенанта. И удержал позицию до подхода главных сил батальона, отбив три контратаки врага. Вот наградили его, а сейчас отправляем на побывку на родину, к матери.

Турушканов протягивает нам отпускное удостоверение.

«Дано настоящее сержанту Турушканову Степану Федоровичу, который решением Военного Совета армии, санкционированным командующим Центральным фронтом, направляется в девятидневный отпуск в город Моршанск Рязанской области. Тов. Турушканов совершил на фронте героический подвиг, за что награжден орденом Красного Знамени. Едет домой навещать больную мать. Просьба ко всем воинским начальникам и гражданским властям оказывать фронтовому герою содействие в средствах передвижения и других нуждах. Командующий армией Черняховский, член Военного Совета Оленин».

— Не по форме, но крепко,— комментирует Черняховский и спрашивает сержанта: — Продовольствие и подарки получил?

— Спасибо, товарищ генерал, все получил, как приказано. Вышло так много, что довезу ли.

— Довезешь. А как с машиной? Договорился с шофером?

— Тоже порядок, товарищ генерал. Спасибо. Дело в том, что, как я потом выяснил, Турушканов перед самым наступлением получил тревожное письмо из дома. Мать серьезно заболела. Он подал рапорт о краткосрочном отпуске. Рапорт дошел до командующего. Черняховский, будучи в 121-й дивизии, встретился с сержантом. — Как же без наград покажешься в родном городе? — спросил его командующий. Сержант был смущен, но ответил: — А где их взять, награды? Не выходит, товарищ генерал.

— Три дня можешь подождать?

— А что за три дня изменится?

— Может, и изменится, — уклончиво ответил командующий. — Через три дня вызову тебя, поедешь к матери, у тебя все основания к этому есть. Но постарайся, дружок, ладно?

Утром началось наступление, и Турушканов совершил подвиг, о котором мы рассказали.

Облик полководца. Рассказ члена Военного Совета 60-й армии генерал-майора В. М. Оленина: «В первую очередь хочу отметить главную черту в полководческом облике нашего командующего Ивана Даниловича Черняховского — его глубокую партийность. Да, это был очень партийный человек, причем его партийность сказывалась во всем — в дисциплине, в его оперативных решениях, в планировании боевых действий и, конечно же, в его отношении к людям.

Вторая его черта — скромность, умение спрятать собственное «я» куда-то далеко внутрь своей одаренной натуры. Отсюда — никакого зазнайства, всегдашняя неудовлетворенность достигнутым, стремление к новым высотам в нелегкой службе на войне. Он ни одно решение не принимал самолично, без предварительного обсуждения в Военном Совете, без предварительного совета с теми, кто в

данном случае наиболее компетентен в данном конкретном деле или случае. Я не имею, конечно, в виду тех быстрых решений по ходу боя или операции, когда на совет не было времени.

И третья особенность Черняховского — хладнокровие, выдержка, я бы сказал, железная выдержка, в любых условиях, при любых обстоятельствах и ситуациях.

От Воронежа до Тернополя на Украине армия не раз переживала острые, даже опасные моменты. Бывали часы, когда казалось, что вот еще одно усилие врага, и все пойдет прахом, надломится... Но именно в такие часы Черняховский становился в полном смысле слова железным. И, если нужно, сам шел на самые опасные участки фронта, чтобы личным присутствием, личным вмешательством способствовать перелому в бою.

Умел он и радоваться. Я видел его, когда после форсирования Днепра его поздравляли с присвоением высокого звания Героя Советского Союза. Иван Данилович весь светился радостью.

Он был рад, когда наши войска вступили на землю его родной Украины. Он был рад, когда освободили Киев. Его радовала каждая освобожденная от врага деревушка.

Его радовали подвиги солдат и офицеров армии. Я не видел ни раньше, ни потом военачальника, который бы был так оперативен и щедр на боевые награды.

И когда его назначили командующим 3-м Белорусским фронтом, мы, его сослуживцы по 60-й армии, радовались росту Ивана Даниловича и безгранично жалели, что от нас уходит такой громадный Человечище».

Рассказ генерал-полковника А. П. Покровского, бывшего начальника штаба 3-го Белорусского фронта: «Мне пришлось быть начальником штаба фронта при нескольких командующих. Каждый из них умел принимать решения и доводить их до штаба фронта и штабов армий, но до солдата их идеи не всегда доходили. Черняховский

же требовал доводить задачу до солдата в таком масштабе, чтобы тот, следуя суворовскому правилу, понимал «свой маневр». Идеи, сформулированные в решениях командующего, овладевали всеми воинами, находили у них признание и поддержку. Мне часто приходилось слышать из уст солдат и командиров: «С таким командующим не страшно в огонь и в воду».

От нового командующего мы, работники штаба фронта, ожидали упреков за неудачи в недавних наступательных операциях. Однако, ко всеобщему удовлетворению, услышать их никому не пришлось. Иван Данилович был очень вежливым, выдержанным, общительным. Хорошо понимал, когда нужно применять слово «я», и никогда этим не злоупотреблял. Он был человеком большого такта, в совершенстве владел собой, никогда не прибегал к унижающим достоинство воина разностям. С его приходом в штабе установилась спокойная, деловая обстановка.

Исследование полководческой деятельности И. Д. Черняховского позволяет утверждать, что молодой генерал в совершенстве овладел военным искусством, и поэтому в нашей военной истории он по праву занял место среди видных полководцев.

Одной из вершин полководческого таланта И. Д. Черняховского является участие в планировании и проведении под его руководством знаменитой операции «Багратион», в которой 3-й Белорусский фронт сыграл большую роль.

31 мая 1944 года была получена директива Ставки Главного Командования, довольно детально излагавшая группировку и задачи фронта. В ней указывалось: войскам 3-го Белорусского фронта во взаимодействии с войсками 1-го Прибалтийского и 2-го Белорусского фронтов разгромить вражескую группировку в районе Витебска, Орши и выйти на Березину. Для осуществления этой задачи пред-

лагалось нанести два удара: один — на Богушевск, Витебск, второй — на Борисов.

Замыслы Черняховского были блестяще осуществлены войсками фронта. Наши армии освободили Витебск, Оршу, Минск, Вильнюс и вышли на границы Восточной Пруссии. Ивану Даниловичу правительство присвоило звание генерала армии и наградило орденом Ленина и второй Звездой Героя Советского Союза».

Самый молодой. Очень дружеские, я бы даже сказал, душевные отношения связывали Ивана Даниловича с маршалом К. К. Рокоссовским.

Вспоминаю встречу в штабе 60-й армии. И. Д. Черняховский чем-то взволнован. Беседа не клеится. Спрашиваю, что случилось. Иван Данилович ответил не сразу.

— У меня сейчас был Константин Константинович Рокоссовский. Приезжал прощаться. С ноль-ноль часов сегодня наша армия находится в составе Воронежского фронта... Задача осталась прежней, а фронт другой... Жалко расставаться с Рокоссовским да и со всем фронтом... Привык.

И неожиданно для меня, а может быть, и для себя Иван Данилович вдруг начал рассказывать о Рокоссовском, вернее, о том, как командующий фронтом искусно использовал успех 60-й армии.

— Так может действовать только настоящий полководец,— возбужденно продолжает Черняховский.— Результаты вы знаете: освобожден Чернигов, а мы у самого Киева.

После паузы Черняховский говорит: — Приятно учиться у такого командующего. Уже потом мне довелось услышать от Рокоссовского его мнение о Черняховском:

— Очень, очень талантливый, очень умный генерал. Это уже, если хотите, сложившийся полководец со своим, присущим только ему военным почерком.

Известно, что наиболее строго судят о командире его боевые товарищи и друзья. Вот их мнения.

Маршал бронетанковых войск П. П. Полубояров:

«В наш Прибалтийский особый военный округ И. Д. Черняховский прибыл в 1940 году. Несмотря на молодость, это был уже опытный офицер, успевший покомандовать и танковой ротой, и танковым батальоном, и танковым полком, и танковой бригадой. В войну вступил командиром дивизии.

На рассвете 22 июня 1941 года над городом Шяуляем и его окрестностями появились гитлеровские самолеты. На жилые кварталы и лес, в котором стояла дивизия, посыпались бомбы.

В восемь утра соединение получило приказ готовиться к контрудару по врагу. Утром 23 июня дивизия достигла исходного рубежа для контрнаступления. Другие наши бронетанковые части, к сожалению, не сумели вовремя прибыть сюда, и полковник И. Д. Черняховский принимает решение своими силами атаковать врага.

Это было очень смелое решение.

В одной из коротких встреч с И. Д. Черняховским в те жаркие дни я спросил его: — На что ты рассчитывал, принимая такое решение?

Черняховский ответил: — На внезапность...

И вот уже хваленые фашистские танки поворачивают назад. Черняховский оповещает об этом по радио всех своих командиров и требует от них усилить темп атаки.

В этом бою части 28-й дивизии отбросили врага на пять километров, уничтожили четырнадцать танков, двадцать орудий и до батальона пехоты».

Маршал Советского Союза Н. И. Крылов, бывший командующий 5-й армией 3-го Белорусского фронта: «В середине апреля 1944 года в должность командующего фронтом вступил самый молодой среди командующих фронтами генерал-полковник И. Д. Черняховский. И, от-

кровенно говоря, некоторые из нас не без удивления встретили это назначение, думая, справится ли, не вскружится ли голова и по молодости не наломает ли дров. Но вскоре эти сомнения рассеялись.

Генерал-полковник Черняховский сумел быстро разобраться в обстановке, а затем, опираясь на штаб и политуправление, сплотить и направить личный состав управления и войска фронта на инициативную работу.

Это был волевой и требовательный полководец, в то же время обаятельный и душевный человек».

Генерал-полковник танковых войск В. Г. Обухов, бывший командир 3-го механизированного корпуса: «С прибытием в новый район сосредоточения я сразу же вместе с заместителем командира корпуса по политической части полковником А. Ф. Андреевым поехал в штаб фронта для представления командующему генерал-полковнику Ивану Даниловичу Черняховскому. До этого мы много слышали о нем, как о молодом и талантливом военачальнике, который уже прославился на фронтах Великой Отечественной войны, но лично встречаться с ним не приходилось.

Иван Данилович встретил нас просто, но в то же время официально.

Танкист по образованию, он большое внимание, как мы убедились сами в этом потом, уделял подвижным войскам. В ходе нашего доклада командующий интересовался состоянием, укомплектованностью корпуса, его боевым прошлым. Он дал нам очень ценные указания, обратив внимание на тщательную маскировку частей и соединений. Обещал помогать корпусу всем необходимым. Когда мы пошли вперед, ежедневно чувствовали решительную руку командующего фронтом».

Генерал-полковник И. И. Людников, бывший командующий 39-й армией 3-го Белорусского фронта: «В ходе войны некоторые командующие стремились во что бы

то ни стало добиваться осуществления своего раз принятого решения, хотя его выполнение из-за изменившейся обстановки нередко было связано с большими трудностями и потерями в людях, материальных средствах, а также времени.

Генерал Черняховский смело изменял задачи войскам фронта, и они добились блестящих успехов в разработке восточно-прусской группировки противника».

Генерал-майор С. Б. Казбикуев, бывший начальник политуправления 3-го Белорусского фронта: «13 января 1945 года, в день предстоящего прорыва вражеского фронта, я был вместе с командующим на наблюдательном пункте. Сильный туман мешал наблюдению за результатами артиллерийской подготовки. Мы с Иваном Даниловичем пытались наблюдать, но бесполезно. Спустились на первый этаж. Как раз против окна стояло дерево. Оно то скрывалось в тумане, то вновь появлялось. Туман не рассеивался. Черняховский ходил по комнате, то приближался к окну, то снова отходил от него. Ни один мускул на лице не выдавал его внутреннего состояния.

Туман продолжал скрывать окрестность. На сто метров ничего не было видно. Неизвестны результаты артиллерийской подготовки, а, следовательно, нет никакой уверенности в успехе штурма. Уже выпущены по противнику сотни вагонов боеприпасов! Вдруг такая операция сорвется? Эта мысль волновала всех нас, она не давала покоя, но Иван Данилович продолжал спокойно отдавать распоряжения, а в перерывах — непринужденно разговаривать с нами. Тогда мы еще раз убедились, каким необыкновенным самообладанием и огромной волей обладает этот человек...

И потом, в наступлении, не все шло гладко. Но И. В. Черняховский, насколько я знаю, ни разу не сорвался».

Генерал-лейтенант В. Е. Макаров, бывший член Военного Совета 3-го Белорусского фронта: «Рассказывать о нем можно многое. Ограничусь несколькими воспоминаниями.

Едем в Москву, в Ставку. Верховное Главнокомандование утверждало план операции «Багратион».

— Волнуешься? — спрашиваю Ивана Даниловича.

— Немного. И то от новизны дела, а не по существу.

Помолчал и, улыбнувшись, добавил: — Пусть волнуется враг, ему грозит разгром. Но в Ставке не все полностью разделяли его замыслы.

Черняховский стоял на своем. Говорю ему: — А может, не стоит спорить?

— Стоит, — отвечает, — наша точка зрения правильна. Уверен, что нас поймут. Обязательно поймут.

И ведь поняли. Очень принципиальный был человек. Никогда не забуду еще одного эпизода. Идем по переднему краю одной из частей 5-й армии. У станкового пулемета чем-то занимается расчет. Иван Данилович остановился: — Газеты свежие есть, товарищ сержант?

— Никак нет, товарищ генерал, — бойко отвечает сержант Иван Степанович Никифоров. — Свежих газет не видели три дня. Четыре дня не приносили писем. С махоркой, товарищ генерал, все время перебои.

— Как же так?

— Не знаю, товарищ генерал.

И тут я первый раз увидел Ивана Даниловича в гневе. С пулеметчиками он говорил нормально. Не повысил голоса и на ротного командира. Зато в блиндаже командира полка взорвался. Гнев его был справедлив. Газеты, махорка — это же маленькие радости для солдата и сержанта. А письма из дома — часто источник настроения. Как же лишать этого человека в боевой обстановке?

В полку положение было сразу исправлено, а мне Черняховский сказал: